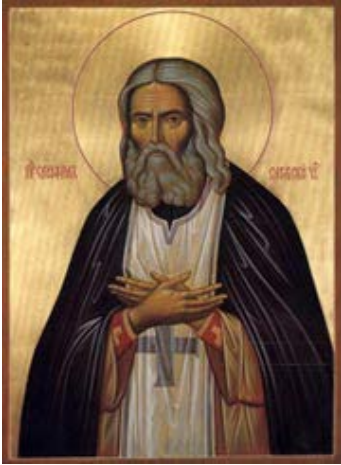

Преподобный Серафим Саровский

Преподобный
Серафим Саровский

Батюшка о. Серафим поступил в Саровскую пустынь в 1778-м году, 20-го ноября, накануне Введения Пресвятой Богородицы во храм и поручен был в послушание старцу иеромонаху Иосифу.

Родиной его был губернский город Курск, где отец его, Исидор Мошнин, имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройкой каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим и богатого, именитого купца. За десять лет до смерти своей он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия, по плану знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752-м году состоялась закладка храма, и, когда нижняя церковь, с престолом во имя преподобного Сергия, была готова в 1762-м году, благочестивый строитель, отец великого старца Серафима, основателя Дивеевского монастыря, скончался. Передав всё состояние своё доброй и умной жене Агафии, он поручил ей довести дело построения храма до конца. Мать о. Серафима была ещё благочестивее и милостивее отца: она много помогала бедным, в особенности сиротам и

неимущим невестам.

Агафия Мошнина в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви и лично наблюдала за рабочими. В 1778-м году храм был окончательно отделан, и исполнение работ было так хорошо и добросовестно, что семейство Мошниных приобрело особое уважение между жителями Курска.

Отец Серафим родился в 1759-м году, 19-го июля, и наречён Прохором. При смерти отца Прохору было не более трёх лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего – это видели все духовно развитые люди, и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафия Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строившейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и, по неосторожности, упал на землю. Испуганная мать в ужасном виде сбегала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти, но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слёзно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротой ума, быстрою памятью и, одновременно, кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотою, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни, в сонном видении, Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Проснувшись, он рассказал это видение своей матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону

Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошёл сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избежания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафия вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под её осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно своё учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлею и имел свою лавку в Курске, так что малолетнего Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке; но к торговле и барышам не лежало его сердце. Молодой Прохор не опускал почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия, и, за невозможностью быть у поздней литургии и вечерни по случаю занятий в лавке, он вставал ранее других и спешил к утрени и ранней обедне. В то время в г. Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но тогда все чтили. Прохор с ним познакомился и всем сердцем прилепился к юродивому; последний, в свою очередь, возлюбил Прохора и своим влиянием ещё больше расположил душу его к благочестию и уединённой жизни. Умная мать его всё примечала и душевно радовалась, что её сын так близок к Господу. Редкое счастье выпало и Прохору иметь такую мать и воспитательницу, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно признавал, будет ли мать его против того, чтобы ему пойти в монастырь. Он, конечно, заметил, что добрая его воспитательница не противоречит его желанию и охотнее хотела бы отпустить его, чем удержать в мире; от этого в его сердце ещё сильнее разгоралось желание монашеской жизни. Тогда Прохор начал говорить о монашестве со знакомыми людьми, и во многих

он нашёл сочувствие и одобрение. Так, купцы Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин и ещё двое выражали надежду идти вместе с ним в обитель.

На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил её родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собою этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Не маловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из Курских жителей и настоятельствовал о. Пахомий, Курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, испросить наставление и советы от старцев, познать чрез них волю Божию, утвердиться в своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у св. мощей преп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества. Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли ещё пять человек Курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник, по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл пред ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нём благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нём доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твоё. Только старайся стяжать

непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго! В этом да будет всё твоё внимание и обучение; ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём: с ним найдёшь покой, приобретёшь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святые, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!»

Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Отговевши, исповедовавшись и причастившись Святых Таин, поклонившись ещё раз св. угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил ещё несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душевспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о святых местах и послушать чтения. Это время было его прощанием с родиной и родными.

Как уже сказано, Прохор вступил в Саровскую обитель 20-го ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь указал ему здесь место для спасения души. О. Пахомий с малолетства знал родителей Прохора и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца и с точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию; в келии он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему

расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда ему стали назначать, кроме келейного, ещё послушания по порядку: в хлебне, в просфорне, в столярне. В последней он был будильщиком и исполнял довольно долго это послушание. Затем он исполнял пономарские обязанности. Вообще, юный Прохор, бодрый силами, проходил все монастырские послушания с великою ревностью, но, конечно, не избег многих искушений, как печали, скуки, уныния, которые действовали на него сильно.

Жизнь юного Прохора до пострижения в монашество ежедневно распределялась так: в определённые часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно раньше на церковные молитвы, выстаивал неподвижно всё богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитвы всегда стоял на одном определённом месте. Для предохранения от развращения и мечтательности, имея глаза опущенными долу, он с напряжённой внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвою. Прохор любил уединяться в своей келии, где у него, кроме молитвы, были занятия двух родов: чтение и телесный труд. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утруждённому это позволительно, а св. Евангелие и послания Апостолов всегда стоя пред св. иконами, в молитвенном положении, и это называл бдением (бодрствованием). Постоянно он читал творения св. отцов, напр. Шестоднев св. Василия Великого, беседы св. Макария Великого, Лествицу преп. Иоанна, Добротолюбие и проч. В часы отдохновения он предавался телесному труду, вырезывал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Когда Прохор проходил столярное послушание, то отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании он один из всех назван Прохором – столяром. Он также ходил на общие для всей братии труды: сплавать лес, приготавливать дрова и т.п.

Видя примеры пустынножительства о. игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, юный Прохор стремился духом к

большему уединению и подвижничеству, а потому испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Там он нашёл уединённое место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, и, по словам человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он здесь совершал **правило, еже даде Ангел Господень Великому Пахомию**, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по Отче наш: Господи, помилуй, 12. Слава и ныне: приидите поклонимся – трижды. Псалом 50: Помилуй мя, Боже. Верую во единого Бога... Сто молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и по сём: Достойно есть и отпуст.

Это составляло одно моление, но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов, двенадцать днём и двенадцать ночью. С молитвою он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал её только один раз.

В 1780 году Прохор тяжело заболел, и всё тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предполагали, что это сделалась водяная болезнь. Недуг длился в продолжение трёх лет, из которых не менее половины Прохор провёл в постели. Строитель о. Пахомий и старец о. Исаия попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нём. Тут-то и открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда ещё простым послушником. Наконец, стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: «Я предал себя, отче святой, Истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством – причастием Св. Тайн». Старец Иосиф, по просьбе Прохора и собственному усердию, особо отслужил **о здравии** больного всенощное бдение и

литургию. Прохор был исповедан и причащён. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым: после причащения Св. Таин ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с Апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обратясь к Иоанну лицом и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: **«Этот Нашего рода!»**

«Правую-то ручку, радость моя,— говорил о. Серафим церковнице Ксении,— положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребоольшая была, и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку!» — «И батюшка, бывало, сам возьмёт, да и вложит мою руку в яму,— прибавляла матушка Ксения,— и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдёт!» Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

В период послушничества Прохора, при настоятеле о. Пахомии, предприняты были в Саровской пустыне многие нужные постройки. В числе их на месте келии, в которой болел Прохор, строилась больница для лечения недужных и успокоения престарелых, и при больнице церковь о двух этажах с престолами: в нижнем во имя свв. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем — во славу Преображения Спасителя. Прохор после болезни, молодой ещё послушник, был посылаем за сбором денег в разные места на сооружение церкви. Благодарный за своё исцеление и попечение начальства, он с охотой понёс трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины, но не застал уже матери своей в живых. Брат Алексей, со своей стороны, оказал Прохору немалую помощь для построения церкви. Вернувшись домой, Прохор, как искусный столяр, построил собственными руками престол из

кипарисного дерева для нижней больничной церкви в честь преподобных Зосимы и Савватия.

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился: будучи высокого роста, около 2 арш. и 8-ми вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятною белизною, лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и пронизательные; густые брови и светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густою, окладистою бородою, с которою на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он имел мужественное сложение, обладал большими физическими силами, увлекательным даром слова и счастливой памятью. Теперь он прошёл уже все степени монастырского искуса и был способен и готов принять монашеские обеты.

13-го августа 1786 года, с соизволения Св. Синода, о. Пахомий постриг послушника Прохора в сан инока. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исаия. При посвящении ему было дано имя Серафима (пламенный). 27-го октября 1786 года монах Серафим, по ходатайству о. Пахомия, был посвящён преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому, служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и 9-ти месяцев, почти непрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь ещё надолго в храме, он, по обязанности священно-диакона, приводил в порядок утварь и заботился о чистоте Алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал о. Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питье и, ложась спать, жалел, что человек, подобно Ангелам, не может непрерывно служить Богу.

Строитель о. Пахомий теперь ещё более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной

службы. Когда он выезжал по делам монастыря или для служения, один или с другими старцами, то часто брал с собою о. Серафима. Так, в 1789-м году, в первой половине июня месяца, о. Пахомий с казначеем о. Исаией и иеродиаконом о. Серафимом отправились по приглашению в село Леметь, находящееся в 6-ти верстах от нынешнего города Ардатова, Нижегородской губ., на похороны богатого благодетеля своего, помещика Александра Соловцева, и заехали по дороге в Дивеево навестить настоятельницу общины Агафию Семёновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою. Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать её. О. Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они её не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над нею таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за года подвижнической жизни в Дивеево. По свидетельству жившей с нею девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику, протоиерею о. Василию Садовскому, матушка Агафья Семёновна передала строителю о. Пахомию: мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммою в 40 тысяч, прося выдавать её сёстрам всё потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомию поминать её в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц её, а также попечись в своё время об обители, обетованной ей Царицею Небесною. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь; также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодеяний твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и братья за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим – духовность его тебе известна, и он молод – доживёт до этого; ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семёновна начала просить о. Серафима не оставлять её обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семёновна скончалась 13-го июня, в день св. мученицы Акилины. О. Пахомий с братией на обратном пути как раз поспел к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13-го июня шёл такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим, по своему целомудрию, не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушёл пешком в Саров.

Однажды в Великий Четверток, строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о. Серафима, начал Божественную Литургию в 2 часа пополудни вечернею, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!», но, едва обратясь к народу, навёл на предстоящих орарём, возглашая: «и во веки веков» – как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Все это заметили и поняли, что с ним Божие посещение. Два иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он часа три, меняясь непрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею своё видение: «Только что провозгласил я, убогий: Господи, спаси благочестивыя и услыши ны! и, наведя орарём на народ, окончил: и во веки веков! – вдруг меня озарил луч, как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизречённым светом сияющего, окружённого небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; по сём, вступив во св. местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый

Ангельскими ликами, сиявшими неизречённым светом на всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце моё возрадовалось чисто, просвещённо, в сладости любви ко Господу!»

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братьев и заслуживает преимущество пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. Так как в этом же году Саровская обитель, по новому расписанию, перешла из Владимирской епархии в Тамбовскую, то о. Серафима вызвали в Тамбов, и 2-го сентября епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. С получением высшей благодати священства о. Серафим стал подвизаться в духовной жизни с вящею ревностью и удвоенною любовью. В течении долгого времени он продолжал непрерывное служение, ежедневно приобщаясь с горячею любовью, верою и благоговением.

Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыне, так как пустынножизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же, от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги, и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился возможности священнодействовать. Болезнь эта была не малым побуждением к избранию пустынножизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные келии, а не в пустыню, т.е. от меньших трудов – к большим и тягчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, в виду болезни его и приближения смерти. О. Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась ещё какая-то душевная забота и печаль.

– О чём, отче святой, так печалишься ты? – спросил его о. Серафим.

– Я скорблю о сёстрах Дивеевской общины, – ответил старец Пахомий, – кто их будет назирать после меня?

О. Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать всё так же после смерти его, как было при нём. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. О. Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и, с благословения нового настоятеля о. Исаии, также горячо любимого, удалился в пустынную келию (20-го ноября 1794-го года, в день прихода в Саровскую пустынь).

Несмотря на удаление о. Серафима в пустынку, народ стал беспокоить его там. Приходили и женщины.

Великий подвижник, начиная строгую пустынножизнь, считал для себя неудобным посещение женского пола, так как это могло соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению. Но, с другой стороны, лишить женщин назидания, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом, негодным Богу. Он стал просить Господа и Пресвятую Богородицу об исполнении его желания, и чтобы Всевышний, если это не противно Его воле, дал ему знамение на то преклонением ветвей вблизи стоявших деревьев. В преданиях, записанных в своё время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Наступил праздник Рождества Христова; о. Серафим пришёл в монастырь к поздней обедне в храм Живоносного Источника и причастился Св. Христовых Таин. После обеда в своей монастырской келии он вернулся на ночь в пустыню. На следующий день, 26-го декабря, празднуемый по положению (Собор Пресвятой Богородицы), о. Серафим вернулся ночью в обитель. Проходя свой холм, где он опускается вниз долу, отчего гора и названа была о. Серафимом Афонскою, он увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и

завалили дорожку; вечером ничего этого не было. О. Серафим упал на колени и поблагодарил Бога за данное, по молитве его, знамение. Теперь он знал, что Господу Богу угодно, дабы жёны не входили на его гору.

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняной балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевали лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома; а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе св. Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. По подражанию древним святым, о. Серафим носил вериги на обоих плечах, и к ним были привешены кресты: одни спереди в 20 ф., другие сзади в 8 ф. каждый, и ещё железный пояс. И эту тяжесть старец носил во всё время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил. Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил великого Пахомия и т.д. В холодную пору он топил келию, колол и рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своём огороде и удабривал землю, собирал мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав лишь чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядках, удобренных мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нём благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов.

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыне он питался хлебом, более всего чёрствым и сухим; хлеб, обыкновенно, он брал с собою по

воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословия. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить «ничим же» обители и, по примеру великого подвижника Ап. Павла, питаться, «делаяще своими руками» (1 Кор. 4, 12). Впоследствии времени он приучил своё тело к такому воздержанию, что не стал вкушать хлеба насущного, а, по благословию настоятеля Исаии, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свёкла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Святых Таин в субботу. Ещё через несколько времени воздержание и постничество о. Серафима дошли до невероятной степени. Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от неё в течение более двух лет с половиною. Братия, удивляясь, недоумевала, чем мог питаться старец во всё это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей.

По будням, спасаясь в пустыне, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннею литургиею в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем, до вечерни, он принимал в монастырской келии приходивших к нему, по нуждам духовным, из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляла его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустыню. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедывался и причащался Св. Таин. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыне. Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им. О. Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом и были приняты

им; но ни один из них не мог вынести трудностей пустынножизненного жития: ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться в качестве ученика подражателем подвигов о. Серафима. Благодетельные попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему, хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, **дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они, в строгом смысле, учениками не были, и название «Серафимов ученик» в то время не существовало.** «В пребывание его в пустыне, – говорили тогдашние Саровские старцы, – вся братия была его учениками».

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустыню. Одни просто посещали его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустройству жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны: схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшиеся в пустыне. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний – однажды. О. Серафим охотно беседовал с ними о разных душевнорасходительных предметах.

Видя столь искреннее, усердное и, поистине, высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные «страхования». Так, по сказанию одного почтенного летями иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами келии вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь келии, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восьмью человеками с трудом был вынесен из келии. В другие разы и днём, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему **видимо** вдруг представлялось, что

келия его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным рёвом и криком. Иногда вдруг являлся пред ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он, по Божью попущению, поднимал тело его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что, если бы не Ангел-Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях, он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самих злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввою, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. О. Серафима предназначили было туда настоятелем монастыря с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего Саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Строителю Исаии и братии Саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат, единственно из повиновения, принял на себя это звание.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побеждён, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12-го сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски.

Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. О. Серафим имел большую физическую силу и, вооружённый топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сём слова спасителя: «Все бо приемши нож ножом погибнут» (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал, кротко сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть всё безвинно, Господа ради.

Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришёл в беспамятство. Злодеи тащили его к сеням келии, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мёртвый, то верёвками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами бросились в келию, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро всё перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали-искали и ничего для себя не нашли; видели только у него св. икону, да попало несколько картофеля. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избивли благочестивого человека; какой-то страх напал на них, и они в ужасе убежали.

Между тем, о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Его понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц и, проведши ночь в келии в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришёл в

обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лице и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежда измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулась и спрашивала: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал всё случившееся. И настоятель, и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастием о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни.

Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель, старец Исаия, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовавши старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, рёбра перебиты, грудь оттоптана, всё тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял её от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить о том о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келии о. Серафима. Он состоял из трёх врачей; с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля, они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчёт того, что помощь необходимо подать как можно скорее. О. Серафим с глубокою признательностью в сердце примечал их внимательность и

попечение о себе.

Когда всё это происходило, кто-то вдруг крикнул: «Отец настоятель идёт, идёт отец настоятель!» В эту минуту о. Серафим уснул; сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение: подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица в царской порфире, окружённая славой. За Нею следовали свв. Апостолы Пётр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять, обратясь лицом к старцу, сказала: **«Сей от рода Нашего»** – и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали.

Когда вошёл настоятель, больной опять пришёл в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нём, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, Истинным и Верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизречённой радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошёл в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келии и вечером, в девятом часу, подкрепился пищею, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Ещё в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою природную прямоу и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность ещё больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыкою или палкою.

Так, эта согбенность, это уязвление в пяту, служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над дьяволом.

Со дня болезни старец Серафим провёл в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустынножизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии и сам, искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая свв. мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келию.

С новым поселением старца в пустыне дьявол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и упрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что казалось невозможным простить их, а о. Серафим настаивал на своём: «В противном случае,— говорил старец,— я оставлю Саровскую обитель и удаюсь в другое место». Строителю же, о. Исаии, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. О. Серафим представил отомщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаяния, прощения и святых его молитв.

Старец о. Исаия очень почитал и любил о. Серафима, а также дорожил его беседами; поэтому он, когда был свеж, бодр и

наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 году Исаия, по старости лет и от трудов, понесённых для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и, по собственному прошению, уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители, по общему желанию братии, пал на о. Серафима. Вот уже второй раз старец избирается на начальственные должности по монастырям, но и на этот раз, по своему смирению и из крайней любви к пустыне, он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея.

Старец о. Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустынке. Он только принял на себя ещё больший труд, а именно, **молчальничество**. К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжении трёх лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням. Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушание в зимнее время, так как в пустынку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредёт он во время вьюги по снегу, утопая в нём по колена, с недельным запасом в руках для старца-молчальника. Вошедши в сени, он произносил молитву, а старец, сказавши про себя: «Аминь», отворял дверь из келии в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у двери, потупив лицо долу, на землю; сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись, по обычаю, и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях. Со своей стороны, старец клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести ему в будущее

воскресение: хлеба или капусты. И опять пришедший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, испросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от о. Серафима ни единого слова. Всё это были только видимые, наружные знамена молчальничества. Сущность же подвига состояла не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу.

Молчальничество о. Серафим соединил ещё со **стоянием на камне**. В глухом лесу, на половине пути от келии к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге свв. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в **ночное время** на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он, обыкновенно, или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: «Боже, милостив буди ми грешному». Чтобы уравнивать ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келии имел камень. На нём он молился **во время дня**, с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нёс, по временам, в течение тысячи суток.

От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига, тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов привело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился **черновой** отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно». При кончине дней

своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни, он, в назидание слушателям, рассказал и о сём подвиге некоторым из братии.

ОТЕЦ Серафим, со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыне своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Св. Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Св. Таин, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассмотрение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему, в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Св. Таин, или же, если ноги не служат, перешёл бы навсегда жить в монастырскую келию. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберёт о. Серафим? Брат, в первый же приход к старцу, исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принёсши пищу на будущую неделю, брат повторил предложение. Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель.

Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весной 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские врата, после 15-ти летнего пребывания в пустыне, о. Серафим, не заходя в свою келию, отправился прямо в больницу. Это было днём, до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Братия удивилась, когда мгновенно

разнёсся слух, что старец решился жить в обители. Но удивление их возросло ещё более, когда произошли следующие обстоятельства: на другой день, 9-го мая, в день Святителя и Чудотворца Николая, о. Серафим пришёл, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Св. Христовых Таин. По выходе же из церкви, он направил стопы свои в келию строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келии; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый труднейший подвиг затворничества.

О подвигах о. Серафима в затворе известно ещё менее, чем о его пустынножительстве. В келии своей он не хотел иметь, для отсечения своеволия, ничего, даже самых необходимых вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший взамен стула, составляли всё. Для себя же он не употреблял даже огня.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Св. Тела и Крови Христовой. Для сохранения во всей чистоте затвора и молчаливства, Пренебесные Тайны, по благословению строителя Нифонта, приносили ему из больничной церкви в келию после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собою, о. Серафим изготовил себе гроб из цельного дуба и поставил его в сенях затворнической келии. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. О. Серафим в беседах с Саровскими братьями часто говорил насчёт этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моём гробе».

Старец провёл в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта, всякий мог придти к нему, видеть его; старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келию, предлагали разные вопросы, имея нужду в

советах и наставлениях старца; но, принявши на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример Великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келия его освещалась всегда одной только лампадой и возжжёнными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими ему вместо постели; обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келия растворялась для всех братьев монастыря во всякое время, для сторонних – после ранней обедни до 8 ч. вечера.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил не себе не всегда при приёме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Таин, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на неё конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: **«Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением»**. Сам затем произносил молитву разрешения от грехов. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы и, если это было ранее полудня,

следовательно, до принятия пищи, давал вкушать из чаши «великой агиасмы», т. е. Св. Богоявленской воды, благословлял частицею антидора, либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: **«Христос Воскресе!»** и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатым особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконою Её Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал обще-христианское назидание. В особенности, он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: **Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго**. «В этом да будет,— говорил он,— всё твоё внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием таким образом имени Божия ты найдёшь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной и вселится в тебя Св. Дух, Источник всех благ, и управит Он тебя во святыне, во всяком благочестии и чистоте».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие — по недосугу. О. Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню: **Отче наш**— трижды; в честь Пресв. Троицы, потом песнь Богородице: **Богородице Дево, радуйся** — также трижды и, наконец, Символ веры: **Верую во единого Бога** — единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго** или **грешную**; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом

только это: **Господи, помилуй** и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя своё дело, всякий христианин пусть читает также тихо: **Пресвятая Богородице, спаси мя грешного**, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: **Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного** или **грешную**.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды **Отче наш**, трижды **Богородице** и однажды **Символ веры**. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкою в руке, с растрёпанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инок: «Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?» Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без неё совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А, говорят, ты угадываешь!» О. Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в **такое-то** (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задми четыре дома: там ты увидишь калиточку; войди в неё, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верою и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, в родовом своём имени, селе Нуча, жили сироты, брат с сестрою, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии в военной службе и женился там на Лифляндской уроженке Анне Михайловне

Эрнц, но затем так сильно заболел, что принуждён был оставить службу и переехать на жительство в своё имение, село Нуча. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была весёлого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить её причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, и оставалось обратиться за исцелением к Господу и Его святой Церкви. Молва о святой жизни батюшки о. Серафима, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решился ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведён крепостными людьми своими в сени келии старца-затворника. Когда Михаил Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка о. Серафим вышел и милостиво спросил его: «Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?» Мантуров упал ему в ноги и стал слёзно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческою любовью трижды спросил его о. Серафим: «Веруешь ли ты Богу?» И, получив также трижды в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему всё возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоявшего в сенях, а сам удалился в келию, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елеса. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги, и, приготовившись потереть их принесённым святым елеем, произнёс: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» О. Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из келии большое количество сухарей, высыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в

монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершённом с ним чуде, пришёл в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг, по слову святого старца, нёс уже целую грудку сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости, он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу Всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» Затем о. Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил ещё раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа... И только он приехал в Саров и вошёл к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!» Тогда о. Серафим, взглянув на него особенным образом, весело сказал: «Вот, радость моя, всё, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав всё, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь всё и не пекись о том, о чём ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в

будущей; богат не будешь, хлеб же насущный всё будешь иметь». Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но великий мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицею Небесною Себе в земной жребий.

По благословению батюшки о. Серафима, Михаил Васильевич Мантуров продал своё имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в Дивеево 15 десятин земли на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшею заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать её и завещать после смерти своей Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женою и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упрёков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя, в общем, хорошей и честной особы. Вся жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил всё безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всём беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и наиблизайшим, любимейшим его другом. Батюшка о. Серафим, говоря о нём с кем бы то ни было, не иначе называл его, как «Мишенька», и всё, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтили Мантурова, повинувшись ему во всём

беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

О. Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушниц к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келию в течении 15 лет, о. Серафим всё-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора.

25-го ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении, Мать Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

Как известно, с 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сёстры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл: «огненный столб от земли до неба» и «терпуг духовный». Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но, однако, она не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжёлым, как о. Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сёстрам. Число сестёр настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения; но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону. Батюшка о. Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать её заменить тяжёлый Саровский устав более лёгким, но она и слышать не хотела. «Послушайся меня, радость моя!» – говорил о. Серафим – но непоколебимая старица, наконец, ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!» Тогда о. Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великой старицею матерью Александрою более не лежит на его совести, или же, что не пришёл тому ещё час воли Божией. Временно о. Серафим не входил в дела общинки,

и только по дару предведения посылал избранных Божиею Материю сестёр на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь, поблизости, матушки-то полковницы Агафии Семёновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне – она всему тебя научит!»

В записках Н. А. Мотовилова об основании мельничной обители о. Серафима говорится:

«Когда 1825-го года, 25-го ноября, на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, как то сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим, постоянно говаривал, пробираясь, по обычаю, сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустынке, увидел он ниже того места, где был некогда Богословский колодезь, и почти близ берега реки Саровки, Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его, и где тогда была лишь трясина), а дальше и позади Её на пригорке двух Апостолов: Петра Верховного и Апостола Евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив жезлом землю так, что ископел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии – монахини Александры? Ксению с сёстрами её оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить её, ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нём устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины её из общины Ксении восемь сестёр». И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахиней Александрой. И указала, как обнести это место канавою и валом; и с сих восьми сестёр повелела ему начать обитель сию, Её четвёртого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из Саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и келии первые, а потом, по времени, соорудить в честь Рождества Её и Сына Её Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к

паперти церкви Казанского явления Своего Дивеевской монахине Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый и нигде до того времени ни в какой обители ещё не существовавший. И за неперменное правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он, и потом бы всегда принимались бы лишь одни девицы, на приём которых Сама Она изъявит своё благоволение; и обещалась Сама быть всегдашнею Игумениею сей обители Своей, изливая не неё все милости Свои и всех благодатей Божиих, благословения со всех Своих трёх прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистые стопы Ног Её и где от ударения жезлом Её искипел источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам оногo большее благословение Своё, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской».

Ныне на месте явления Божией Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 г. устроен колодезь, отличающийся чудотворною силою, и ниже, вблизи его, существует прежний Богословский колодезь. Летом 1826 года, по желанию старца, Богословский родник был возобновлён. Накат, закрывавший бассейн, снят; сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удабривал их мхом, сажил лук и картофель. Старец избрал себе это место, потому что, по болезни, не мог ходить в прежнюю свою келию за шесть вёрст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему, после утренних трудов на ногах, посещать для отдохновения в полуденное время келию о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб, вышиною в три аршина, длиною в три и шириною в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нём ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец был открыт земляной со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом, в 1827

году, здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келию с дверями, но без окон; внутри её была печь, сновне сколочены сенцы из досок. В течение 1825 – 1826 годов старец ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келию, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыне; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом, ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыкою в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и св. Евангелие. Некоторые спрашивали: «Для чего он это делает?» Он отвечал словами св. Ефрема Сирина: «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор под именем **ближней** пустыни о. Серафима, а родник стали называть **колодцем о. Серафима**.

Со времени построения новой келии, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима разделились между обителью и ближнею пустынкою. В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за раннею литургиею; в будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жаждающая увидеть его, принять благословение и услышать слово назидания. Другие приходили к нему в пустынную келию. Старец почти не имел покоя ни в пустыне, ни на дороге, ни в монастыре. Умилительно было видеть, как старец после причастия Св. Таин возвращался из церкви в свою келию. Он шёл в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился, хотя слегка, взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя; взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям таинством Св. Причащения. И, благоговей к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Пришедши в свою келию, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твёрдая, взгляд истинно-христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от неё душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разума, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему; невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божию, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях св. отцов и на примерах святых, Богу благоугодивших. Всё сие потому ещё имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвящённых людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово своё смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идёт о душе его. После же сила слова, осенённого благодатью, непременно производила своё действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни учёные, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние

десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно при многочисленном собрании пришельцев в Саров у него бывало в келии около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую, истинно-родственную любовь и её силу, потоки слёз иногда вырывались и у таких людей, которые имели твёрдое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. И так, пообсмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырём, не получив для души своей никакого духовного дара, но встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келию, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л... Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келии, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из келии старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. О. Серафим вынес всё это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошёл всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и ещё никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру; на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, не смотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с нелюбящими его он был **мирн**, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнёс к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу» (Псал. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим, как бы плодом своего дела. «Мы,— говорил он,— должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: «О сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех» (Лук. 10, 20)».

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так, 11 июня 1827 года исцелена была Александра, жена (Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, села Елизарьева) дворового человека Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было 22 года, и она имела двух детей. 6-го апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с нею сделалась дурнота, головокружение; муж едва мог довести её до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Через полчаса, как бы пришедши в себя, она начала скрежетать зубами, грызть всё, что попадалось, и, наконец, уснула. Спустя месяц, эти болезненные припадки стали повторяться с нею ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский

железные заводы – там был иностранный доктор; он взялся лечить её, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал ещё съездить в Выксу, на чугунные заводы. «В Выксе же, – по описанию мужа больной, – доктор был иностранец **с большою привилегиею**». По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, Выксинский доктор истощил всё своё внимание, познания и искусство и, наконец, дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не сможет». Такой конец лечения очень опечалил всех, и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 11-е июня 1827 года больная увидела сон: явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами, и сказала: «Что ты страдаешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положивши на себя крестное знамение, начала читать молитву св. Кресту: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» Явившаяся отвечала ей: «Не убойся меня, я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мёртвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к о. Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить её: «Кто ты и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия». На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: беспрестанно делались с нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал, но больная, приблизившись к его келии, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял её за руки и ввёл в свою келию. Там он накрыл её епитрахилью и тихо произнёс молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную св. Богоявленскою водою, дал ей частицу св. антидора да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со св. водою, да ещё: сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сём месте, сколько можешь, поклонов: она (Агафия) о тебе

сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: отче Серафиме! Помяни меня на молитве и помолися обо мне грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия». Тогда от болящей недуг отошёл ощутительно с великим шумом; она была здорова во всё последующее время и невредима. После этого недуга она родила ещё четырёх сынов и пять дочерей. Собственноручная запись о сём мужа исцелённой оканчивается следующим послесловием: «Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными».

9-го декабря 1826 года в Дивеевской общине, по приказанию о. Серафима, состоялась закладка мельницы, а летом, 7-го июля, она замолола.

В этом же 1827 году отец Серафим сказал постоянно приходившему к нему за приказаниями и распоряжениями Михаилу Васильевичу Мантурову: «Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины да свадьбы, не приходится: ведь они девушки. Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря, батюшка! Ведь матушка Агафия Семёновна, стоя на молитве, всю токами слёз своего смирения омыла её; вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Её Единородного – сиротам моим!» У Михаила Васильевича Мантурова хранились в неприкосновенности деньги от продажи имения, которые батюшка приказал спрятать до времени. Теперь настал час Михаилу Васильевичу отдать всё своё достояние Господу, и такие деньги были, несомненно, угодны Спасителю мира. Следовательно, церковь Рождества Христова создавалась на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищенства.

Насколько часто сёстры Дивеевские должны были первое время ходить к о. Серафиму работать и за продовольствием, которое он посылал им от себя из Сарова, видно, например, из

повествования сестры Прасковьи Ивановны, впоследствии монахини Серафимы. Вновь поступающих он ещё заставлял чаще приходить других, чтобы преподать им духовное назидание. В праздник Сретения 1828-29 гг. он приказал сестре Прасковье Ивановне, как только что поступившей в обитель, дважды успеть прийти к нему и возвратиться. Следовательно, ей надо было пройти 50 вёрст и ещё провести время в Сарове. Она смутилась и сказала: «Не успею так, батюшка!» «Что ты, что ты, матушка, – ответил о. Серафим, – ведь день теперь продолжается 10 часов». «Хорошо, батюшка» – сказала Прасковья с любовью. Первый раз она пришла в келью к батюшке в монастырь, когда шла ранняя обедня. Батюшка отворил дверь и весело встретил её, назвав: радость моя! Посадил отдохнуть, накормил частичками просфоры со святою водою и потом дал нести в обитель к себе большой мешок с толочном и сухарями. В Дивеево она немного отдохнула и опять пошла в Саров. Служили вечерню, когда она вошла к батюшке, который в восторге приветствовал её, говоря: «Гряди, гряди, радость моя! Вот я накормлю тебя своею пищею». Посадил Прасковью и поставил перед нею большое блюдо пареной капусты с соком. «Это всё твоё» – сказал батюшка. Она начала есть и ощутила такой вкус, который её несказанно удивил. Потом из расспросов она узнала, что за трапезой не бывает этой пищи, и она была хороша, потому что батюшка сам по молитве своей приготавливал такую необыкновенную пищу. Однажды батюшка ей приказал работать в лесу, собирать дрова, и припас ей пищи. Часу в третьем дня он сам захотел поесть и говорит: «Поди-ка, матушка, в пустынку, там у меня на верёвочке висит кусочек хлеба, принеси его». Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолил чёрствый хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. Частицу он отделил Прасковье, но она не могла даже разжевать – так засох хлеб – и подумала: вот, какое терпит лишение батюшка. Отвечая ей на мысль, о. Серафим сказал: «Это, матушка, ещё хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием, траву снить обливал горячею водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы её вкушайте». В другой раз сестра Прасковья Ивановна впала в искушение: начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти из

обители, но не знала, открыться ли батюшке? Вдруг он присылает за ней. Она входит смущённая и робкая. Батюшка начал рассказывать о себе и о своей жизни в монастыре, а затем прибавил: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошёл и никогда, ниже мыслию, не выходил из монастыря». Повторяя ещё несколько раз это и приводя примеры из своего прошлого, он совершенно исцелил её, так что Прасковья Ивановна свидетельствует в своём повествовании, что в продолжение рассказа «все мои мысли понемногу успокоились, а когда кончил батюшка, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом». В бытность Прасковьи Ивановны при батюшке в ближней пустынке к нему подошли Курские купцы, заехавшие в Саров с Нижегородской ярмарки. Перед прощанием они спросили батюшку: «Что прикажете сказать вашему братцу?» О. Серафим ответил: «Скажите ему, что я молю о нём Господа и Пречистую Его Матерь день и ночь». Они отошли, а батюшка, воздевши руки, с восторгом несколько раз повторил: «Нет лучше монашеского житья, нет лучше!» Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым сияющим лицом и в новом белом балахончике. Ещё издали воскликнул он: «Что я тебе, матушка, принёс!» – и подошёл к ней, держа в руках зелёную веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста ещё такой же фрукт, он произнёс: «Вкуси, матушка, это райская пища!» В то время года ещё не могли созреть никакие фрукты.

Старшая сестра в мельничной обители о. Серафима, Прасковья Семёновна, свидетельствовала много о батюшкиных милостях к сёстрам и, между прочим, рассказала, как страшно было послушаться его. Однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала с отроковицей Марией Семёновной на двух лошадях за брёвнами. Они поехали прямо к батюшке в лес, где он их уже дожидался и приготовил на каждую лошадь по два тоненьких брёвнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сёстры переложили дорогою эти брёвнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь

тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела и начала околевать. Сознавая себя виновными, что они поступили против благословения батюшки, они, упав на колени, тут же, в слезах, заочно начали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили брёвнышки по-прежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать её.

Батюшка о. Серафим постоянно исцелял своих сирот от разных болезней. Раз сестра Ксения Кузьминична страдала зубной болью, от которой не спала ночи, ничего не ела и изнемогла, так как приходилось днём работать. Сказали о ней старшей сестре Прасковье Семёновне; она послала Ксению к батюшке. «Как только он меня увидел,— рассказывала Ксения,— то и говорит: что это ты, радость моя, давно ко мне не пришла! Пойди к отцу Павлу, он тебя исцелит. — А я подумала: что это? Разве он сам не может меня исцелить? Но возражать не смела. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послал к нему батюшка. Он тугонатуго сжал мне лицо обеими руками и несколько раз провёл по щекам. И зубы затихли, как рукой сняло».

Сестра Евдокия Назарова также рассказывала, что, будучи молодой девицей, она страдала два года параличом рук и ног, и её привезли к батюшке о. Серафиму, который, увидав её, стал манить к себе. Её с большим трудом подвели к батюшке, но он дал ей в руки грабли и велел гресть сено. Тут почувствовала она, что с неё что-то спало, и она начала гресть, как здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Последние стали выговаривать ей, зачем она, такая больная, пришла с ними трудиться, но батюшка, уразумев духом мысли их, сказал им: «Примите её к себе в Дивеево, она будет вам прясть и ткать». Так трудилась она до вечерни. Батюшка накормил её обедом, и затем она дошла до дома совершенно здоровою.

Старица Варвара Ильинична также свидетельствовала об излечении её отцом Серафимом: «Он, кормилец мой, два раза исцелял меня,— говорила она. — В первый-то, я словно порченая была, а потом у

меня очень болели зубы, весь рот был в нарывах. Я пришла к нему, он меня поставил поодаль от себя, а мне велел рот открыть; сильно дунул на меня, завязал платочком мне всё лицо, да тут же велел идти домой, а солнце-то было уже на закате. Я ничего не убоялась за его святою молитвою, ночью же пришла домой, а боль как рукой сняло. У батюшки я часто бывала. Он мне говаривал: «Радость моя! Ты будешь забвенная у всех». И доподлинно, бывало, приду к матушке Ксении Михайловне просить чего или из обуви, или одёжи, а она скажет: «Ты бы во время приходила и просила; ступай на поклоны». Всем даёт, а мне нет. Раз Татьяна Григорьевна что-то на меня оскорбилась и говорит: «Ах ты, забвенная!», а я вспомнила это слово батюшки, да как закричу, заплачу! Так и сбылось слово батюшки: всю свою жизнь я была у всех «забвенная». Раз мы с Акулиной Васильевной пришли к батюшке, долго что-то он говорил ей наедине, всё в чём-то убеждал, но, видно, она послушалась. Он вышел и говорит: «Вьнь из моего ковчега (так называл свой гробик) сухарей». Навязал их целый узел, отдал Акулине, а другой узел мне; потом насыпал целый мешок сухарей, да и начал его бить палкою, а мы смеёмся, так и катаемся со смеху! Батюшка взглянет на нас, до ещё пуще его бьёт, а мы – звать, ничего не понимаем. Потом завязал батюшка, да и повесил на шею Аграфене и велел нам идти в обитель. После уже поняли, как эта сестра Акулина Васильевна вышла из обители и в миру терпела страшные побои. Она потом опять поступила к нам и скончалась в Дивеево. Я, как возвратилась в обитель, прямо пришла к матушке Ксении Михайловне, да сказала, что мы три ночи ночевали в Сарове. Она строго мне выговорила: «Ах, ты, самовольница! Как без благословения столько жила!» Я прошу прощения, говорю: батюшка нас задержал, и подаю ей сухари, что принесла. Она отвечает: «Коли батюшка оставил, так Бог простит. Только он дал их тебе к терпению». Так вскоре и вышло: на меня много наговорили матушке, и она меня выслала. Я всё плакала, да и пошла к батюшке Серафиму, всё ему рассказала; сама плачу, стою пред ним на коленях, а он смеётся, да так ручками сшибается. Стал молиться и приказал идти к своим девушкам на мельницу, к начальнице Прасковье Степановне. Она, по его благословию, и

оставила меня у себя».— «Раз я прихожу к батюшке Серафиму в пустынку, а у него на лице мухи, а кровь ручьями бежит по щекам. Мне жаль его стало, хотела смахнуть их, а он говорит: «Не тронь их, радость моя, всякое дыхание да хвалит Господа!» Такой он терпеливец».

ВЕЛИКАЯ старица, высокой жизни, Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) так говорила о гонениях, которые претерпевал о. Серафим: «То всем уж известно, как не любили Саровцы за нас батюшку о. Серафима; даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много-много делая ему терпения и скорби! А он, родной наш, всё переносил благодушно, даже смеялся, и часто, сам зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшке-то, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал и снабжал нас всегда с отеческою заботою, спрашивая: есть ли всё? Не надо ли чего? Со мною, бывало, да вот с Ксенией Васильевной и посылавал, больше мёду, холста, елею, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут, пришла я, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам её с гробика-то поднял, индо крякнул, и говорит: «Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся!» Что это,— думаю,— батюшка-то, всегда, бывало, сам посылает меня мимо конного двора задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение, да на скорбь-то святыми воротами посылает! А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братиею больно скорбели на батюшку, что всё даёт-де нам, посылает; и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла, сама не своя, так и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я, это, к воротам, читаю молитву; солдаты-то, двое, сейчас тут-де меня за шиворот и арестовали. «Иди,— говорят,— к игумену!» Я и молю-то их, и дрожу вся; не тут-то было. «Иди,— говорят,— да и только!» Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом; он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас — ещё пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а

он глядит. Развязала, вынимаю всё... а там: старые лапти, корочки сломанные, отрубки да камни разные, и всё-то крепко так упихано. «Ах, Серафим, Серафим! – воскликнул Нифонт.– Глядите-ка, вот ведь какой, сам-то мучается, да и Дивеевских-то мучает!» – и отпустил меня. Так вот и в другой раз пришла я к батюшке, а он мне сумочку даёт же. «Ступай,– говорит,– прямо к святым воротам!» Пошла, остановили же меня и опять взяли и повели к игумену. Развязали суму, а в ней песок да камни! Игумен ахал-ахал, да отпустил меня. Прихожу, рассказала я батюшке, а он и говорит мне: «Ну, матушка, уж теперь в последний раз, ходи и не бойся! Уж больше трогать вас не будут!» И воистину, бывало, идёшь, и в святых воротах только спросят: чего несёшь? – «Не знаю, кормилец,– ответишь им,– батюшка послал». Тут же пропустят».

Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось, в знак Божия определения. Действительно, на утро это дерево оказалось выворочено с громадным корнем при совершенно тихой погоде. Об этом дереве имеется множество записанных повествований сирот о. Серафима.

Так, Анна Алексеевна, одна из 12-ти первых сестёр обители, рассказывает следующее: «Была я тоже свидетельницей великого чуда с покойной сестрой обители, Ксенией Ильиничной Потехиной, впоследствии недолго бывшей начальницей нашей мельничной общинки, позже благочинной монастыря нашего, монахиней Клавдией. Приходит к батюшке Серафиму живописец Тамбовский, Саровский послушник Иван Тихонович. Долго толковал с ним батюшка, что напрасно блазняются на него, что печётся он о нас; что это он делает не от себя, а по приказанию ему Самой Царицы Небесной. «Помолимся, – говорит батюшка Серафим.– Мню, что древу этому более ста лет...» – при этом он указал на дерево громадных размеров. «Простоит оно ещё много лет... Аще же я творю послушание Царицы Небесной,– преклонится древо сие в их сторону!..» – и указал на нас. «Так и знай,– продолжал о.

Серафим,— что нет мне дороги оставлять их, хотя они и девушки! И если брошу я их, то и до Царя, пожалуй, дойдёт!» Приходим мы на другой день, а батюшка-то и показывает нам это самое здоровое и громадное дерево, точно бурю какую вывороченное со всеми своими корнями. И приказал батюшка, радостный, весь сияющий, разрубить дерево и отвезти к нам в Дивеево». (Корень его хранится доселе в кладбищенской церкви с прочими вещами о. Серафима.)

Настоятель Николо-Барковской пустыни, игумен Георгий, бывший гостинник Саровской пустыни Гурий, свидетельствует, что, пришедши однажды к старцу о. Серафиму в пустынку, нашёл его, что он перерубал сосну для дров, упавшую с корнем. По обычном приветствии, старец открыл об этой сосне, которую рубил, следующее: «Вот, я занимаюсь Дивеевскою общиною; вы и многие меня за это зазирали, что для чего я ими занимаюсь; вот, я вчерашний день был здесь, просил Господа для уверения вашего, угодно ли ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то, в уверение того,— чтобы это дерево преклонилось. На этом дереве, от корня аршина полтора вышины, заметка была вырублена крестом. Я просил Господа сего уверения; вместе с тем, что если вы или кто о них попечётся, то будет ли угодно это Богу? Господь исполнил для вашего уверения: вот — дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о них имею попечение за послушание старцев строителя Пахомия и казначея Исаии, моих покровителей; они о них обещались пеcись до кончины своей, а по кончине заповедали они, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился холодный соборный храм, денег не было в обители, и тогда странствовала вдова полковника, имя ей Агафия; она пришла сюда, и с нею три рабыни единомышленные. Эта Агафия, возжелав спастись близ старцев, избрала местом спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвование деньгами на устройство собора; не знаю, сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от неё три мешка денег: один был с золотыми, один с серебряными, а третий с медными, и были они полны оными-то деньгами. Собор и сооружён её усердием; вот, за что обещались о них вечно пеcись и мне

заповедывали. Вот, и я вас прошу: имейте о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафия. Они трудились для Саровской обители, шили и обмывали бельё, а им из обители давали на содержание всю пищу; как у нас трапеза была, и у них такова же была. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их от обители; по какому случаю, не знаю! Батюшка Пахомий и Исаия пеклись о них, но никогда в их распоряжения не входили, ни Пахомий, ни Иосиф; я и то не распоряжался ими, и никому нет дороги ими распоряжаться».

В столь трудное время для дивного старца о. Серафима его одобряла и укрепляла Царица Небесная. Вот что пишет по этому поводу протоиерей о. Василий Садовский: «Однажды (1830 г.), дня три спустя после праздника иконы Успения Божией Матери, пришёл я к батюшке Серафиму в Саровскую пустынь и нашёл его в келии без посетителей. Принял он меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещения Самой Царицы Небесной. И, довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня: «Есть ли у тебя, батюшка, платочек?» Я ответил, что есть. «Дай его мне!» – сказал батюшка. Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посуды пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что с роду я таких не видывал. «Вот, и у меня, батюшка, была Царица, так вот, после гостей-то и осталось!» – изволил сказать батюшка. Личико его до того сделалось божественно при этом и весело, что и выразить невозможно! Он наклал полный платочек и, сам завязав его крепко-накрепко, сказал: «Ну, гряди, батюшка, а придёшь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружью (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам, каждой вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые близ обители живут в келиях: они все наши будут!» Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет, я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у

батюшки, а спросить его не посмел, но потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря: «Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во! Радость-то нам какая, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благодатью покрыла убогого Серафима. «Любимиче мой! – рекла Преподобная Владычица, Пречистая Дева.– Прости от меня, чего хочешь!» Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!» – и угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга. «А убогий-то Серафим, – продолжал батюшка, – Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка! И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыне спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка! Только трём не дано, три погибнут, рекла Матерь Божия! – при этом светлый лик старца затуманился.– Одна сгорит, одну мельница смелет, а третья... (сколько ни старался я вспомнить, никак не могу; видно, уж так надо)».

Благодатная сестра Евдокия Ефремовна, удостоившаяся быть при следующем посещении Царицы Небесной о. Серафима, в 1831-м году, сообщила свой разговор с батюшкой о том же посещении, которое только что передал о. Василий:

«Вот, матушка, – сказал мне батюшка Серафим, – во обитель-то мою до тысячи человек соберётся, и все, матушка, все спасутся; я упросил, убогий, Матерь Божию, и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогого Серафима; и, кроме трёх, всех обещала Милосердая Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка, – продолжал, немного помолчав, батюшка, – там-то, в будущем, все разделятся на три разряда: **сочетанныя**, которые, чистотою своею, непрестанными молитвами и делами своими, чрез то и всем существом своим, сочтены Господу; вся жизнь и дыхание их в Боге, и вечно они с Ним будут! **Избранныя**, которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И **званные**, которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым тёмное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут, да всегда тосковать станут! Это нерадивые и

ленивые, матушка, которые общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами; куда как мрачно и тяжело будет им! Будут сидеть, всё качаясь из стороны в сторону, на одном месте!» И, взяв меня за руку, батюшка горько заплакал. «Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы!» – продолжал батюшка. «Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты сказывай всем!» Затем, благословив, отпустил меня».

За год и 9-ть месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился ещё посещения Богоматери. Посещение было ранним утром, в день Благовещения, 25-го марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

«В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: «Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!» «Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим?» – отвечаю я. Но батюшка приказал: «Повторяй, матушка, несколько раз сряду: «Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуйя!» Потом начал говорить: «И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобою ожидает!» Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна; а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: «Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтоб видеть тебе эту радость! Давай молиться!» И, сняв с себя мантию, надел её на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав всё это, говорит мне: «Не бойся, не утрашись, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!» И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла всё это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: «О, Препоблагословенная, Пречистая Дево,

Владычице Богородица!» И вижу, как впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними Сама Владычица наша. За Богородицей шли двенадцать дев, потом ещё св. Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии, и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чём батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лёжа на полу, что Мать Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: «Кто это у тебя лежит на земле?» Батюшка ответил: «Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоём!» Тогда Пречистая изволила взять меня, недостойную, за правую руку, и батюшка за левую, и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Нею, и спросить: как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к ангелам, спрашиваю: кто вы? Они отвечают: мы Ангелы Божии. Потом подошла к Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя своё и жизнь вкратце; точно также св. Иоанн Богослов. подошла к девами их спросила, каждую о имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Фекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, св. великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я спросила их всех, то подумала: пойду, упаду к Ножкам Царицы Небесной и буду просить прощения в грехах моих, но вдруг всё стало невидимо. После батюшка говорит, что это видение продолжалось четыре часа.

Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: «Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих». Но батюшка отвечал мне: «Я, убогий, упросил о вас Божию Мать и не только о вас, но по всех, любящих меня, и о тех, кто служил мне и моё слово исполнял; кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставляю и не забуду. Я отец ваш, попекусь о вас и в сём веке, и в будущем; и кто в моей пустыне жить

будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут. Вот, какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!» Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: «Вот как молитесь: Господи, сподоби меня умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на страшном суде Твоём, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!» После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословивши меня, сказал: «Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь!»

В другом рассказе старицы Евдокии Ефремовны встречаются ещё большие подробности. Так, она говорит: «Впереди шли два Ангела, держа – один в правой, а другой в левой руке – по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-жёлтый лён, лежали распущенными на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и Апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета – сказать не могу, несказанной красоты, застёгнутою под шею большою круглою пряжкой (застёжкой), убранною крестами, разнообразно разукрашенными, но чем – не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, – зелёное, перепоясанное высоким поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев; на голове Её была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку (застёжку), и на Самое Лицо Царицы Небесной. Волосы Её были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее Ангельских. Девы шли за нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами; они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келия батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного.

Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся Нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною». Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: «Не убойся, Мы пришли посетить вас». Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицею, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостью, спросила я батюшку Серафима: где мы? Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: Кто это? – то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой и спросить их и т.д.

Девы все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдания и за поношения; и ты пострадаешь!» Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо: «Не оставь дев Моих Дивеевских!» Отец Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить!» На это Царица Небесная ответила: «Я тебе, любимиче Мой, во всём помогу! Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражён будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!» Потом, обратясь ко мне, сказала: «Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбивши нищету самоизвольную, возлюбивши Единого Господа. И за это, видишь, какой славы и почести сподобились! Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же». Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами!» – и благословила его. Простились с ним и все святые; девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия». Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих! Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от

Бога, и тебя Господь сподобил. Вот, какой радости достигли! Есть нам, почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага-диавола и противу его будь во всём мудра; Господь тебе во всём поможет!»

Батюшка Серафим, как сказано, принимал множество посетителей. Он поучал мирян, обличал в них ложные направления ума и жизни. Так, один священник привёл с собою к о. Серафиму профессора, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчёт его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседою со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник, между тем, во время разговора часто наводил речь на цель, с которою пришёл к нему учёный. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре: «Не нужно ли ему ещё доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает Православную веру, сам – профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчёт монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, всё равно, как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот, какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение, он советовал профессору прочесть историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из неё он усмотрит, чему ещё надобно доучиться ему.

Однажды пришли к нему четыре старообрядца спросить о двуперстном сложении. Только что они переступили за порог келии, не успели ещё сказать своих помыслов, как старец подошёл к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трёхперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите.

Сие сложение предано от св. Апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в Церковь Греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие её – учителя Церкви, архипастыри – суть преемники Апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и вёсел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывёт за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришёл к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?»

– Оставь свои бредни, – отвечал о. Серафим. – Жизнь наша есть море, св. Православная Церковь наша – корабль, а Кормчий – Сам Спаситель. Если с Таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чём утверждаешь свою надежду – спастись без Кормчего?

Однажды зимою привезли на санях больную женщину к монастырской келии о. Серафима и о сём доложили ему. Не смотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести её к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Её внесли в жилище старца и положили на пол. О. Серафим запер дверь и спросил её:

– Откуда ты, матушка?

– Из Владимирской губернии.

– Давно ли ты больна?

– Три года с половиною.

– Какая же причина твоей болезни?

– Я была прежде, батюшка, Православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере, и всё была здорова. Наконец, они меня уговорили: я переменяла крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того, вечером, пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я, в испуге, упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли на двор и нашли – я лежала. Они меня внесли в комнату. С тех пор я хвораю.

– Понимаю... отвечал старец. А веруешь ли ты опять в св. Православную Церковь?

– Верую теперь опять, батюшка,– отвечала больная. Тогда о. Серафим сложил по-православному персты, положил на себе крест и сказал:

– Перекрестись вот так, во имя Святой Троицы.

– Батюшка, рада бы,– отвечала больная,– да руками не владею.

О. Серафим взял из лампады у Божией Матери Умиления елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг её стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же получила совершенное здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю, и особенно в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из Дивеевских сестёр. О. Серафим сказал ей:

– Это, матушка, не Серафим убогий исцелил её, а Царица Небесная.

Потом спросил её:

– Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?

– Таких нет, батюшка,– отвечала сестра,– а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все.

– Попроси их от моего имени,– сказал о. Серафим, -чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы.

– Я им, батюшка, говорила о сём много раз, да не слушают.

– Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит; он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?

– К прискорбию, у нас в роду все так молились.

– Хоть и добродетельные были люди,– заметил о. Серафим, пораздумавши,– а будут связаны: св. Православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены.

– Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима: ибо знали, что он угодник Божий и понимает тайны св. Христовой веры.

Однажды о. Серафим в неизобразимой радости сказал доверенному иноку: «Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в дому Отца Моего обители мнози суть (т.е. для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости; Он исполнил моё желание и прошение; вот, я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела – Бог весть; это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкусил, сказать тебе

невозможно». И с этими словами о. Серафим замолчал... Он поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания, он как будто созерцал что-то с умилением. Потом о. Серафим снова заговорил:

– Ах, если бы ты знал, – сказал старец иноку, – какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша, – при этом он показал на свою келию, – была полна червей, и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовил Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам св. Апостол Павел (2 Кор. 12, 2-4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются души праведных?

В заключение своей беседы, старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своём спасении, пока не прошло ещё благоприятное время.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которое человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келию одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в её голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся, живи так, как живёшь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо; этим и спасёшься». Находясь тогда ещё в мире и совершенно не думая никогда быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о.

Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: «Когда придёт это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведёт им опять свидеться. «Нет,— отвечал о. Серафим,— мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за неё, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы, действительно, встретили её на гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем, слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, ступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменьей в Свяжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устраивала свою жизнь.

В другом случае посетили о. Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокиней, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к о. Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благородная, сверх того, просила благословить её на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная; не для всех выносима». Девица же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том о. Серафиму не говорила. Между тем, он, сам от себя, благословил её, по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково недовольны беседою старца; а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своём усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества,

а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица, уже в преклонных летах, вступила в брак и была счастлива. А юная, действительно, пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Даром прозорливости своей о. Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова дьякона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она, в среде множества народа, пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его келии, ожидая позади всех, когда придёт очередь её подойти к о. Серафиму. Но о. Серафим, оставивши всех, вдруг говорит ей: «Евдокия, поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал её по имени, никогда не выдавши её, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. О. Серафим благословил её, дал св. антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать дома сына». Евдокия поспешила и, в самом деле, едва застала сына своего дома: в её отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом Киевской академии и, по причине дальности расстояния Киева от Пензы, спешило скорее отправить его на место. Этот сын, по окончании курса в Киевской академии, пошёл в монашество под именем Иринарха, был наставником в семинариях; в настоящее время состоит в звании архимандрита и глубоко чтит память о. Серафима.

Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят её. Но за Православие Господь помилует и сохранит её. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была; но события объяснили, что старец говорит это о Крымской кампании.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мая 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлово. Воротилов же имел большую веру в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его, как бы своего ученика и наперсника.

Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, не смотря на то, что приехал туда в полночь, поспешил к келии о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке келии и, увидавши, приветствовал его сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слёз, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. О. Серафим тотчас погрузился в **умную** молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

После затвора о. Серафим изменил свой образ жизни и стал иначе одеваться. Он вкушал пищу один раз в день, вечером, и одевался в подрясник из чёрного, толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый балахон, а зимою носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весны носил кафтан из толстого русского чёрного сукна. От дождя и жары надевал полумантию, сделанную из цельной кожи, с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимою в бахилах, а, идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимою и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Св. Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келии богомольцев.

Один богатый человек, посетивши о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на

себе?» О. Серафим отвечал: «Иоасаф царевич данную ему пустынною Варлаамом мантию счёл выше и дороже царской багряницы» (Четь-минея, ноября 19 дня).

Противу сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келии. Спал же он, сидя на полу, спиною прислонившись к стене и протянувши ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичах и поленьях, бывших в его келии. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность к Господу и Божией Матери были столь велики, что, когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, бывши у него в 1831 году на благословении, спросил, не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкою сказал: «Вот мои Родные, а для живых родных я уже живой мертвец».

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило во всю точность и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего, при чтении Псалтири, на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1: **За живых**: «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущих: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2: **За усопших**: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих:

праотец, отец и братья наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоей бесконечной и блаженной жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келии пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я,— рассказывал Николай Александрович,— видевши у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших, и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келии своей нестерпимый жар от теплоты огненной? А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

– Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего: я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю правило своё, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имён, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует,— тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила — то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных — за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплою лампады; и, где следует на правиле поминать их, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжёт тебе аз, убогий, сии свещи и кандила (т.е. лампады). А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое моё усердие, ни на чём божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал

глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандила во дни и в нощи: сия бо угодно есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть». Так вот, ваше боголюбие, почему св. Церковь Божия прияла в обычай возжигать во св. храмах и в домах верных христиан кандила или лампы пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. Ангелов и св. человек, Богу благоугодивших».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу Православной Церкви.

Раз, сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство: «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благодати, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Е. С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник её, г. Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. О. Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской келии, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келию и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться; только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинувшись словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подмывало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима **стоящим на воздухе** в молитвенном положении и от неожиданности и

необычайности видения вскрикнул. О. Серафим, по совершении молитвы, подошедши к нему, сказал: «Вот, ты теперь будешь всем толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернётся». Г. Я., действительно, встал с постели и, хотя опираясь на других, но уже сам, на своих ногах, вышел из келии. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатию Божиею был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72-х лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведённый с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келию. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же, усердие к нему заставляло многих не малое время проживать на монастырской гостинице, чтобы изыскать не обременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Кроме предсказаний другим, старец начал теперь предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестёр же. Старец начал говорить им: «Я силами слабею; живите теперь одни, оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц; они

заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали, по поводу этой беседы, не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыне. Благословивши её, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. О Серафим повёл духовную беседу и пришёл в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе, взоры к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость, какой восторг,— говорил он,— объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, её сретают Ангелы и представляют пред Лице Божие!» Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру: понимает ли она его? Сестра же всё слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни, оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затвор, но о. Серафим на её мысли ответил: «Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери».

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в великий пост, поговеть в Сарове и ещё раз насладиться лицезрением и беседою его. «Тогда двери мои затворятся,— отвечал на это старец,— вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь о. Серафима угасает; только дух его, по-прежнему, и ещё более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокращается,— говорил он некоторым между братиею,— духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мёртв».

1-го января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришёл в

последний раз в больничную церковь во имя свв. Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился, по обычаю, Св. Христовых Таин. По окончании же литургии, он простился со всеми здесь молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко кресту и к образу Божией Матери; затем, обошедши кругом св. престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами, путём рождения, входит в мир сей, а другими, т. е. вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нём крайнее изнеможение сил телесных; но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с нею Параскеве Ивановне 200 руб. ассигн. денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел, и сёстры находились в большой нужде.

Старец Серафим имел обыкновение, при выходе из монастыря в пустынь, оставлять в своей келии горящими зажжённые с утра пред образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажжённых свеч может произойти пожар; но о. Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келии пасхальные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей келии к ранней литургии, почувствовал в сенях близ келии о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он

постучался в дверь о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком, и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушёл в пустыню». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросился к келии о. Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным толчком сорвал её с внутреннего крючка. Многие христиане, по усердию, приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке близ двери. Они-то и тлели, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келии о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у келии. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братии бросились за снегом и погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия, между тем, безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели **Достойно есть...** В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько повестил некоторых о происшедшем. Братия поспешила к келии о. Серафима. Иноков собралось не мало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его келии и нашли его самого, стоящего на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками. Он был мёртв.

После обедни о. Серафима положили в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением препод. Сергия, полученным из Троицко-Сергиевской лавры. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый

наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией народа так много было в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

В то время в Глинской обители, Курской губернии, подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2-го января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небе необыкновенный свет и сказал: «Вот, так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!»

Архимандрит Митрофан, занимавший должность ризничего в Невской Лавре, был послушником в Саровской пустыне и находился при гробе о. Серафима. Он передал Дивеевским сиротам, что лично был свидетелем чуда: когда духовник хотел положить разрешительную молитву в руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие видели это и долго оставались в недоумении, поражённые случившимся.

Погребение о. Серафима совершено было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-затворника. (Впоследствии, усердием Нижегородского купца Я. Сырева над могилою его воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы, на котором написано: жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12-ть дней).

15 января 2006 г.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru>

Святой равноапостольный великий князь Владимир

День памяти: 15 июля

Князь
Владимир,
равноапосто
льный

Святой равноапостольный великий князь Владимир. Немногие имена на скрижалях истории могут сравниться по значению с именем святого равноапостольного Владимира, крестителя Руси, на века вперед предопределившего духовные судьбы Русской Церкви и русского православного народа. Владимир был внук святой равноапостольной Ольги, сын Святослава († 972). Мать его, Малуша († 1001) – дочь Малка Любечанина, которого историки отождествляют с Малом, князем Древлянским. Приводя к покорности восставших древлян и овладев их городами, княгиня Ольга повелела казнить князя Мала, за которого пытались ее сватать после убийства Игоря, а детей его, Добрыню и Малушу, взяла с собой. Добрыня вырос храбрым умелым воином, обладал государственным умом, был впоследствии хорошим помощником своему племяннику Владимиру в делах военного и государственного управления.

“Вещая дева” Малуша стала христианкой (вместе с великой

княгиней Ольгой в Царьграде), но сохранила в себе таинственный сумрак языческих древлянских лесов. Тем и полюбилась она суровому воину Святославу, который, против воли матери, сделал ее своей женой. Разгневанная Ольга, считая невозможным брак своей “ключницы”, пленницы, рабыни с сыном Святославом, наследником великого Киевского княжения, отправила Малушу на свою родину в весь неподалеку от Выбут. Там и родился, около 960 года, мальчик, названный русским языческим именем Володимир – владеющий миром, владеющий особым даром мира.

В 970 году Святослав, отправляясь в поход, из которого ему не суждено уже было вернуться, поделил Русскую Землю меж тремя сыновьями. В Киеве княжил Ярополк, в Овруче, центре Древлянской земли, Олег, в Новгороде – Владимир. Первые годы княжения мы видим Владимира яростным язычником. Он возглавляет поход, в котором ему сочувствует вся языческая Русь, против Ярополка-христианина, или, во всяком случае, по свидетельству летописи, “давшего великую волю христианам”, и вступает 11 июня 978 года в Киев, став “единодержцем” Киевского государства, “покорив окрестные страны, одни – миром, а непокорных – мечем”.

Молодой Владимир предавался бурной чувственной жизни, хотя далеко не был таким сластолюбцем, каким его иногда изображают. Он “пас свою землю правдою, мужеством и разумом”, как добрый и рачительный хозяин, при необходимости расширял и оборонял ее пределы силой оружия, а возвращаясь из похода, устраивал для дружины и для всего Киева щедрые и веселые пиры.

Но Господь готовил ему иное поприще. Где умножается грех, там, – по слову Апостола, – преизобилует благодать. “И прииде на него посещение Вышнего, призре на него Всемилоствие око Благого Бога, и воссияла мысль в сердце его, да разумеет суету идольского прельщения, да възыщет Единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое”. Дело принятия Крещения облегчалось для него внешними обстоятельствами. Византийскую империю сотрясали удары мятежных полководцев Варды Склира и Варды Фоки, каждый из которых уже примеривал царскую корону. В

трудных условиях императоры, братья-соправители Василий Болгаробойца и Константин, обратились за помощью к Владимиру.

События развивались быстро. В августе 987 года Варда Фока провозгласил себя императором и двинулся на Константинополь, осенью того же года послы императора Василия были в Киеве. “И истощились богатства его (Василия), и побудила его нужда вступить в переписку с царем Руссов. Они были его врагами, но он просил у них помощи, – пишет о событиях 980-х годов один из арабских хронистов. – И царь Руссов согласился на это, и просил свойства’ с ним”.

В награду за военную помощь Владимир просил руки сестры императоров Анны, что было для византийцев неслыханной дерзостью. Принцессы крови никогда не выходили замуж за “варварских” государей, даже христиан. В свое время руки той же Анны домогался для своего сына император Оттон Великий, и ему было отказано, но сейчас Константинополь вынужден был согласиться.

Был заключен договор, согласно которому Владимир должен был послать в помощь императорам шесть тысяч варягов, принять святое Крещение и при этом условии получить руку царевны Анны. Так в борьбе человеческих устремлений воля Божия определила вхождение Руси в благодатное лоно Церкви Вселенской. Великий князь Владимир принимает Крещение и направляет в Византию военную подмогу. С помощью русских мятеж был разгромлен, а Варда Фока убит. Но греки, обрадованные неожиданным избавлением, не торопятся выполнить свою часть уговора.

Возмущенный греческим лукавством, князь Владимир “вборзе собрався своя” и двинул “на Корсунь, град греческий”, древний Херсонес. Пал “неприступный” оплот византийского господства на Черном море, один из жизненно важных узлов экономических и торговых связей империи. Удар был настолько чувствителен, что эхо его отозвалось по всем Византийским пределам.

Решающий довод снова был за Владимиром. Его послы, воевода

Олег и Ждѣберн, прибыли вскоре в Царьград за царевной. Восемь дней ушло на сборы Анны, которую братья утешали, подчеркивая значительность предстоящего ей подвига: способствовать просвещению Русского государства и земли их, сделать их навсегда друзьями Ромейской державы. В Тавриде ее ждет святой Владимир, к титулам которого прибавился новый, еще более блестящий – цесарь (царь, император). Надменным владыкам Константинополя пришлось уступить и в этом – поделиться с зятем цесарскими (императорскими) инсигниями. В некоторых греческих источниках святой Владимир именуется с того времени “могущественным басилевсом”, он чеканит монеты по византийским образцам и изображается на них со знаками императорской власти: в царской одежде, на голове – императорская корона, в правой руке – скипетр с крестом.

С царевной прибыл посвященный святым Патриархом Николаем II Хризвергом на Русскую кафедру митрополит Михаил со свитой, клиром, многими святыми мощами и другими святынями. В древнем Херсонесе, где каждый камень помнил святого Андрея Первозванного, свершилось венчание святого равноапостольного Владимира и блаженной Анны, напомнив и подтвердив исконное единство благовестия Христова на Руси и в Византии. Корсунь, “вено царицы”, был возвращен Византии. Великий князь весной 988 года отправляется с супругой через Крым, Тамань, Азовские земли, входившие в состав его обширных владений, в обратный путь к Киеву. Впереди великокняжеского поезда с частыми молебнами и несмолкающими священными песнопениями несли кресты, иконы, святые мощи. Казалось, сама Святая Вселенская Церковь двинулась в просторы Русской земли, и обновленная в купели Крещения Святая Русь открывалась навстречу Христу и Его Церкви.

Наступило незабываемое и единственное в русской истории утро Крещения киевлян в водах Днепра. Накануне святой Владимир объявил по городу: “Если кто не придет завтра на реку – богатый или бедный, нищий или раб – будет мне враг”. Священное желание святого князя было исполнено беспрекословно: “в одно

время вся земля наша восславила Христа со Отцем и Святым Духом”.

Трудно переоценить глубину духовного переворота, совершившегося молитвами святого равноапостольного Владимира в русском народе, во всей его жизни, во всем мировоззрении. В чистых киевских водах, как в “бане пакибытия”, осуществилось таинственное преображение русской духовной стихии, духовное рождение народа, призванного Богом к невиданным еще в истории подвигам христианского служения человечеству. – “Тогда начал мрак идольский от нас отходить, и заря Православия явилась, и Солнце Евангельское землю нашу осияло”. В память священного события, обновления Руси водою и Духом, установился в Русской Церкви обычай ежегодного крестного хода “на воду” 1 августа, соединившийся впоследствии с празднеством Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня, общим с Греческой Церковью, и русским церковным празднеством Всемилоствому Спасу и Пресвятой Богородице (установленным святым Андреем Боголюбским в 1164 году). В этом соединении праздников нашло точное выражение русское Богословское сознание, для которого неразрывны Крещение и Крест.

Всюду по Святой Руси, от древних городов до дальних погостов, повелел святой Владимир ниспровергнуть языческие требища, иссечь истуканов, а на месте их рубить по холмам церкви, освящать престолы для Бескровной Жертвы. Храмы Божии вырастали по лицу земли, на возвышенных местах, у излучин рек, на старинном пути “из варяг в греки” – словно путеводные знаки, светочи народной святости. Прославляя храмоздательные труды равноапостольного Владимира, автор “Слова о законе и благодати”, святитель Иларион, митрополит Киевский, восклицал: “Капища разрушаются, и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святых являются, бесы убегают, Крест грады освящает”. С первых веков христианства ведет начало обычай воздвигать храмы на развалинах языческих святилищ или на крови святых мучеников. Следуя этому правилу, святой Владимир построил храм святого Василия Великого на холме, где находился жертвенник

Перуна, и заложил каменный храм Успения Пресвятой Богородицы (Десятинный) на месте мученической кончины святых варягов-мучеников (память 12 июля). Великолепный храм, призванный стать местом служения митрополита Киевского и всея Руси, первопрестольным храмом Русской Церкви, строился пять лет, был богато украшен настенной фресковой живописью, крестами, иконами и священными сосудами, привезенными из Корсуня. День освящения храма Пресвятой Богородицы, 12 мая (в некоторых рукописях – 11 мая), святой Владимир повелел внести в месяцесловы для ежегодного празднования. Событие было соотнесено с существовавшим уже праздником 11 мая, связывавшим новый храм двойной преемственностью. Под этим числом отмечается в святцах церковное “обновление Царьграда” – посвящение святым императором Константином новой столицы Римской империи, Константинополя, Пресвятой Богородице (в 330 году). В тот же день при святой равноапостольной Ольге освящен в Киеве храм Софии – Премудрости Божией (в 960 году). Святой равноапостольный Владимир, освятив кафедральный собор Пресвятой Богородицы, посвящал тем самым, вслед за равноапостольным Константином, стольный град Земли Русской, Киев, Владычице Небесной.

Тогда же святым Владимиром была пожалована Церкви десятина, почему и храм, ставший центром общерусского сбора церковной десятины, нарекли Десятинным. Древнейший текст уставной грамоты, или церковного Устава, святого князя Владимира гласил: “Се даю церкви сей Святыя Богородицы десятину из всего своего княжения, и тако же и по всей земле Русской от всего княжья суда десятую векшу, из торгу – десятую неделю, а из домов на всяко лето – десятое всякого стада и всякого жита, чу’дной Матери Божией и чу’дному Спасу”. Устав перечислял также “церковных людей”, освобожденных от судебной власти князя и его тиунов, подлежавших суду митрополита.

Летопись сохранила молитву святого Владимира, с которой он обратился к Вседержителю при освящении Успенского Десятинного храма: “Господи Боже, призри с Небесе и виждь, и посети

винограда Своего, яже насади десница Твоя. И сверши новые люди сии, им же обратил еси сердце и разум – познати Тебя, Бога Истинного. И призри на церковь Твою сию, юже создал недостойный раб Твой во имя Рождшей Тя Матери, Приснодевы Богородицы. Аще кто помолится в церкви сей, то услыши молитву его, молитв ради Пречистой Богородицы”.

С Десятинной церковью и епископом Анастасом некоторые историки связывали начало русского летописания. При ней были составлены Житие святой Ольги и сказание о варягах-мучениках в их первоначальном виде, а также “Слово о том, како крестися Владимир возмя Корсунь”. Там же возникла ранняя, греческая редакция Жития святых мучеников Бориса и Глеба.

Киевскую митрополичью кафедру при святом Владимире занимали последовательно митрополиты святой Михаил († 15 июня 991), митрополит Феофилакт, переведенный в Киев с кафедры Севастии Армянской (991-997), митрополит Леонтий (997-1008), митрополит Иоанн I (1008-1037). Их трудами были открыты первые епархии Русской Церкви: Новгородская (первым ее предстоятелем был святитель Иоаким Корсунянин († 1030, составитель Иоакимовской летописи), Владимиро-Волынская (открыта 11 мая 992 года), Черниговская, Переяславская, Белгородская, Ростовская. “Сиче же и по всем грады и по селам воздвижахуся церкви и монастыри, и умножахуся священницы, и вера православная цветяше и сияше яко солнце”. Для утверждения веры в новопросвещенном народе нужны были ученые люди и школы для их подготовки. Поэтому святой Владимир со святым митрополитом Михаилом “начаша от отцов и матерей взимати младые дети и давати в училище учитися грамоте”. Такое же училище устроил святитель Иоаким Корсунянин († 1030) в Новгороде, были они и в других городах. “И бысть множество училищ книжных, и бысть от сих множество любомудрых философов”.

Святой Владимир твердой рукой сдерживал на рубежах врагов, строил города, крепости. Им построена первая в русской истории “засечная черта” – линия оборонительных пунктов против кочевников. “Нача ставити Володимер грады по Десне, по Выстри,

по Трубежу, по Суле, по Стугне. И населил их новгородцами, смольнянами, чудью и вятичами. И воевал с печенегами и одолевал их". Действенным оружием часто была мирная христианская проповедь среди степных язычников. В Никоновской летописи под 990 годом записано: "Того же лета приидоша из болгар к Володимеру в Киев четыре князя и просветишася Божественным Крещением". В следующем году "прииде печенегский князь Кучуг и прият греческую веру, и крестися во Отца и Сына и Святого Духа, и служаше Владимиру чистым сердцем". Под влиянием святого князя крестились и некоторые видные иноземцы, например, живший несколько лет в Киеве норвежский конунг (король) Олаф Трюггвасон († 1000), знаменитый Торвальд Путешественник, основатель монастыря святого Иоанна Предтечи на Днепре под Полоцком, и другие. В далекой Исландии поэты-скальды называли Бога "хранителем греков и русских".

Средством христианской проповеди были и знаменитые пиры святого Владимира: по воскресеньям и большим церковным праздникам после литургии выставлялись для киевлян обильные праздничные столы, звонили колокола, славословили хоры, "калики перехожие" пели былины и духовные стихи. Например, 12 мая 996 года по поводу освящения Десятинной церкви князь "сотвори пирование светло", "раздавая имения много убогим, и нищим, и странникам, и по церквам и по монастырям. Больным же и нищим доставлял по улицам великие кады и бочки меду, и хлеб, и мясо, и рыбу, и сыр, желая, чтобы все приходили и ели, славя Бога". Пир устраивался также в честь побед киевских богатырей, полководцев Владимировых дружин – Добрыни, Александра Поповича, Рогдая Удалого.

В 1007 году святой Владимир перенес в Десятинную церковь мощи святой равноапостольной Ольги. А четыре года спустя, в 1011 году, там же была погребена его супруга, сподвижница многих его начинаний, блаженная царица Анна. После ее кончины князь вступил в новый брак – с младшей дочерью немецкого графа Куно фон Эннингена, внучкой императора Оттона Великого.

Эпоха святого Владимира была ключевым периодом для

государственного становления православной Руси. Объединение славянских земель и оформление государственных границ державы Рюриковичей происходили в напряженной духовной и политической борьбе с соседними племенами и государствами. Крещение Руси от православной Византии было важнейшим шагом ее государственного самоопределения. Главным врагом святого Владимира стал Болеслав Храбрый, в планы которого входило широкое объединение западнославянских и восточнославянских племен под эгидой католической Польши. Это соперничество восходит еще ко времени, когда Владимир был язычник: “В лето 6489 (981). Иде Володимер на ляхи и взя грады их, Перемышль, Червень и иные грады, иже есть под Русью”. Последние годы X столетия также наполнены войнами святого Владимира и Болеслава.

После кратковременного затишья (первое десятилетие XI века) “великое противостояние” вступает в новую фазу: в 1013 году в Киеве был раскрыт заговор против святого Владимира: Святополк Окаянный, женившийся на дочери Болеслава, рвался к власти. Вдохновителем заговора был духовник Болеславны, католический епископ Колобжегский Рейберн.

Заговор Святополка и Рейберна был прямым покушением на историческое существование Русского государства и Русской Церкви. Святой Владимир принял решительные меры. Все трое были арестованы, и Рейберн вскоре скончался в заточении.

Святой Владимир не мстил “гонящим и ненавидевшим” его. Принесший притворное покаяние Святополк был оставлен на свободе.

Новая беда назревала на Севере, в Новгороде. Ярослав, еще не столь “мудрый”, каким он вошел позже в русскую историю, ставший в 1010 году держателем Новгородских земель, задумал отложиться от своего отца, великого князя Киевского, завел отдельное войско, перестал платить в Киев обычную дань и десятину. Единству Русской земли, за которое всю жизнь боролся святой Владимир, угрожала опасность. В гневе и скорби князь повелел “мосты мостить, гати гатить”, готовиться к походу на

Новгород. Силы его были на исходе. В приготовлениях к последнему своему, к счастью несостоявшемуся, походу креститель Руси тяжело заболел и предал дух Господу в селе Спас-Берестове 15 июля 1015 года. Он правил Русским государством тридцать семь лет (978-1015). из них двадцать восемь лет прожил во святом Крещении.

Готовясь к новой борьбе за власть и надеясь в ней на помощь поляков, Святополк, чтобы выиграть время, пытался скрыть смерть отца. Но патриотически настроенные киевские бояре тайно, ночью, вывезли тело почившего государя из Берестовского дворца, где сторожили его люди Святополка, и привезли в Киев. В Десятинной церкви гроб с мощами святого Владимира встретило киевское духовенство во главе с митрополитом Иоанном. Святые мощи были положены в мраморной раке, поставленной в Климентовском приделе Десятинного Успенского храма рядом с такой же мраморной ракой царицы Анны...

Имя и дело святого равноапостольного Владимира, которого народ назвал Красным Солнышком, связано со всей последующей историей Русской Церкви. “Им мы обожились и Христа, Истинную Жизнь, познали”, – засвидетельствовал святитель Иларион. Подвиг его продолжили его сыновья, внуки, правнуки, владевшие Русской землей в течение почти шести столетий: от Ярослава Мудрого, сделавшего первый шаг к независимому существованию Русской Церкви – до последнего Рюриковича, царя Феодора Иоанновича, при котором (в 1589 году) Русская Православная Церковь стала пятым самостоятельным Патриархатом в диптихе Православных Автокефальных Церквей.

Празднование святому равноапостольному Владимиру было установлено святым Александром Невским после того, как 15 мая 1240 года, помощью и заступлением святого Владимира, была им одержана знаменитая Невская победа над шведскими крестоносцами.

Но церковное почитание святого князя началось на Руси значительно ранее. Митрополит Иларион, святитель Киевский (†

1053), в “Слове о законе и благодати”, сказанном в день памяти святого Владимира у раки его в Десятинном храме, называет его “во владыках апостолом”, “подобником” святого Константина, и сравнивает его апостольское благовестие Русской Земле с благовестием святых апостолов.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru>

Священномученик Панкратий, епископ Тавроменийский

Дни памяти: 9 февраля, 9 июля

Священномученик Панкратий, епископ Тавроменийский, родился в то время, когда Господь наш Иисус Христос жил на земле.

Родители Панкратья были родом из Антиохии. Услышав о благовестии Иисуса Христа, отец Панкратья, взяв с собой юного сына, отправился в Иерусалим, чтобы лично видеть великого Учителя. Его потрясли чудеса, и, когда он услышал Божественное учение, то уверовал во Христа как Сына Божия. Он сблизился с учениками Господа, особенно со святым апостолом Петром. С тех пор юноша Панкратий стал известен святому апостолу Петру.

После Вознесения Спасителя один из апостолов пришел в Антиохию

и крестил родителей Панкратия и весь их дом. Когда родители Панкратия скончались, он, оставив свое имение, ушел в Понтийские горы и стал жить в пещере, проводя дни в молитве и глубоком духовном размышлении. Святой апостол Петр, однажды проходя по тем местам, встретил Панкратия в Понте, взял его с собой в Антиохию, а затем в Киликию, где находился святой апостол Павел. Там святые апостолы Петр и Павел рукоположили Панкратия во епископа сицилийского города Тавромении.

Святитель Панкратий усердно трудился над христианским просвещением народа. В течение одного месяца он построил храм, где совершал Богослужения. Число верующих быстро росло, и вскоре почти все жители Тавромении и окрестных городов приняли христианскую веру.

Много лет святой Панкратий мирно управлял своей паствой. Однажды язычники восстали на святителя и, выбрав подходящее время, внезапно напали на него и побили камнями. Так мученически окончил свою жизнь святитель Панкратий (I). Мощи святителя покоятся в храме его имени, в Риме.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru>

Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани

Дни празднования: 8 июля, 22 октября

Казанская икона Божией Матери

Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани (1579). 1 октября 1552 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, ночью, Иоанн IV, предводитель русских воинов, готовившихся к решительному штурму татарской Казани, вдруг услышал благовест московских колоколов. Царь понял, что это – знамение милости Божией: по молитвам Взбранной Воеводы Господь восхотел обратить к Себе народ казанский.

Покорением Казани под покровом Пресвятой Богородицы было завершено дело, начатое в 1164 году святым князем Андреем Боголюбским († 1174; память 4 июля). Волга – главный водный путь страны – стала русской рекой. Из татарского плена было освобождено 60 000 русских людей. Началось просвещение татар светом Евангельской истины. Явились первые мученики – святые Петр и Стефан (память 24 марта). Новоучрежденная Казанская епархия вошла в состав Русской Церкви и вскоре просияли своими архиепископами: святителем Гурием († 1563; память 5 декабря) и святителем Германом (†1567; память 6 ноября).

Но особенно способствовало возвышению Православия среди волжских магометан явление в городе Казани 8 июля 1579 года чудотворной иконы Божией Матери.

Трудно шло дело проповеди Евангелия в покоренном царстве среди закоренелых мусульман и язычников. Пресвятая Богородица, покровительница проповедников Слова Божия, еще в земной Своей жизни разделявшая со святыми Апостолами благовестнические труды, видя старания русских миссионеров, не замедлила послать

им Небесную помощь, явив Свою чудотворную икону.

28 июня 1579 года страшный пожар, начавшийся около церкви святителя Николая Тульского, истребил часть города и обратил в пепел половину Казанского Кремля. Злорадствовали поклонники Магомета, думая, что Бог прогневался на христиан. “Вера Христова, – говорит летописец, – сделалась притчею и поруганием”. Но пожар в Казани явился предзнаменованием окончательного падения ислама и утверждения Православия на всей златоордынской земле, будущем Востоке Русского государства.

Город вскоре начал вставать из руин. Вместе с другими погорельцами, недалеко от места начала пожара строил дом стрелец Даниил Онучин. Его девятилетней дочери Матроне явилась в сонном видении Божия Мать и повелела достать Ее икону, зарытую в земле еще при господстве мусульман тайными исповедниками Православия. На слова девочки не обратили внимания. Трижды являлась Богородица и указывала место, где укрыта чудотворная икона. Наконец, Матрона со своей матерью стали рыть в указанном месте и обрели святую икону. На место чудесного обретения прибыл во главе духовенства архиепископ Иеремия и перенес святой образ в близрасположенный храм во имя святителя Николая, откуда, после молебна, перенесли его с Крестным ходом в Благовещенский собор – первый православный храм города Казани, воздвигнутый Иоанном Грозным. Во время шествия получили исцеление два слепца – Иосиф и Никита.

Список с иконы, явленной в Казани, изложение обстоятельств ее обретения и описание чудес были посланы в 1579 году в Москву. Царь Иоанн Грозный повелел устроить на месте явления храм в честь Казанской иконы Божией Матери, где и поместили святую икону, и основать женский монастырь. Матрона и ее мать, послужившие обретению святыни, приняли постриг в этой обители.

В Никольском храме, где был совершен первый молебен пред Казанской иконой, был в то время священником будущий Патриарх Ермоген, святитель Московский (†1612; память 17 февраля).

Через пятнадцать лет, в 1594 году, уже будучи митрополитом Казанским, он составил сказание о священных событиях, очевидцем и участником которых был: “Повесть и чудеса Пречистая Богородицы честного, славного Ея явления образа, иже в Казани”. С большой фактической точностью описаны в повести многие случаи исцеления, совершившиеся от чудотворной иконы по молитвам верующих. Рукопись “Повести” – автограф Святейшего Патриарха Ермогена – целиком воспроизведена в факсимильном издании: Сказание о чудотворной Казанской иконе Пресвятыя Богородицы. С предисловием А. И. Соболевского, М., 1912.

Небольшая икона, обретенная девочкой Матроной на недавно присоединенной инородческой окраине Российского царства, стала вскоре всенародной святыней, знаменем Небесного покровы Божией Матери, явленного всей Русской Церкви, ибо душа православного народа чувствовала особое участие Пречистой Владычицы в исторических судьбах Родины. Не случайно Казанский образ является списком с древней Влахернской иконы (празднование 7 июля), написанной , и относится по иконографическому типу к иконам, именуемым Одигитрия-Путеводительница. Много раз “Матушка Казанская” указывала путь к победе русским православным воинам в исполнении их священного долга перед Богом и Родиной.

В год явления ее в Казани (по другим источникам двумя годами позже) начался знаменитый поход “за Казань” (за Уральские горы) блаженного Германа, казачьего атамана Ермака Тимофеевича Повольского (†1584), увенчавшийся присоединением Сибири. Благодатной энергии, излученной чудотворным образом, было достаточно, чтобы за несколько десятков лет русские землепроходцы-миссионеры прошли на восток, “встречь солнца” многие тысячи километров и в праздник Покрова в 1639 году вышли в первое плавание по Тихому океану, благовествуя спасение окрестным народам.

Православные воины и миссионеры шли на восток, отступники бежали на запад. Волной самозванцев и “воровских людей” старались затопить Русь в начале XVII столетия иезуиты.

Промыслом Божиим в период польского нашествия (1605-1612), который народ назвал “Смутным временем”, Русскую Церковь возглавлял великий исповедник Православия – священномученик Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, почитатель Казанской иконы Пресвятой Богородицы, автор “Сказания” о ней и Службы ей.

В трудные дни, когда Москва была занята поляками, а по стране ширились усобицы и нестроения, непреклонный страдалец за Святую веру и Отечество, находясь под стражей, сумел тайно отправить в Нижний Новгород воззвание: “Пишите в Казань митрополиту Ефрему, пусть пошлет в полки к боярам и к казацкому войску учительную грамоту, чтобы они крепко стояли за веру, унимали грабеж, сохраняли братство, и как обещались положить души свои за дом Пречистой и за чудотворцев и за веру, так бы и совершили. Да и во все города пишите... везде говорите моим именем”. Нижегородцы откликнулись на призыв первосвященника. Собранное ополчение возглавил князь Димитрий Михайлович Пожарский.

Присоединившиеся к ополчению казанские дружины принесли с собой список с Казанской чудотворной иконы, которую в Ярославле передали князю Димитрию. Пресвятая Владычица взяла ополчение под Свое покровительство, и Ее заступлением была спасена Россия.

Огромные трудности испытывали русские войска: внутреннюю вражду, недостаток оружия и продовольствия. В осеннюю непогоду двинулось русское воинство на штурм Москвы, находившейся в руках поляков.

Трехдневный пост и усердная молитва пред Казанской иконой Божией Матери приклонили Господа на милость. В осажденном Кремле находился в то время в плену прибывший из Греции, тяжело больной от потрясений и переживаний, архиепископ Элассонский Арсений (впоследствии архиепископ Суздальский; † 1626; 13 апреля). Ночью келлия святителя Арсения вдруг озарилась Божественным светом, он увидел Преподобного Сергия

Радонежского (память 5 июля и 25 сентября), который сказал: “Арсений, наши молитвы услышаны; предстательством Богородицы суд Божий об Отечестве преложен на милость; завтра Москва будет в руках осаждающих и Россия спасена”.

Как бы в подтверждение истинности пророчества архиепископ получил исцеление от болезни. Святитель послал известие об этом радостном событии русским воинам. На следующий день, 22 октября 1612 года, русские войска, воодушевленные видением, одержали крупную победу и взяли Китай-город, а через 2 дня – Кремль.

В воскресенье, 25 октября, русские дружины торжественно, с Крестным ходом, пошли в Кремль, неся Казанскую икону. На Лобном месте Крестный ход был встречен вышедшим из Кремля архиепископом Арсением, который нес Владимирскую икону Богородицы, сохраненную им в плену. Потрясенный свершившейся встречей двух чудотворных икон Богородицы, народ со слезами молился Небесной Заступнице.

По изгнании поляков из Москвы князь Димитрий Пожарский, по данным Никоновской летописи, поставил святую Казанскую икону в своей приходской церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, на Лубянке, в Москве. Позже иждивением князя-патриота на Красной площади был воздвигнут Казанский собор. Святая икона, бывшая в войсках Пожарского при освобождении Москвы, в 1636 году перенесена была в новоустроенный храм. Ныне этот святой образ находится в Богоявленском Патриаршем соборе Москвы.

В память освобождения Москвы от поляков установлено было совершать 22 октября особое празднование в честь Казанской иконы Божией Матери. Сначала это празднование совершалось лишь в Москве, а с 1649 года было сделано всероссийским.

В 1709 году перед Полтавской битвой Петр Великий со своим воинством молился перед иконой Казанской Божией Матери (из села Каплуновки). В 1721 году Петр перенес один из списков с Казанской иконы Богородицы из Москвы в Петербург, где икона

вначале была поставлена в часовне, потом в Александро-Невской Лавре, а с 1737 года в храме в честь Рождества Богородицы на Невском проспекте. В 1811 году перед Отечественной войной святая икона Небесной Заступницы перенесена в новосозданный Казанский собор.

В 1812 году Казанский образ Божией Матери осенял русских солдат, отразивших французское нашествие. В праздник Казанской иконы 22 октября 1812 года русские отряды под предводительством Милорадовича и Платова разбили аррьергард Даву. Это было первое крупное поражение французов после ухода из Москвы, враг потерял 7 тысяч человек. В тот день выпал снег, начались сильные морозы, а армия покорителя Европы начала таять.

...Казанский собор в Петербурге строился с 1801 по 1811 год – как бы специально для того, чтобы стать храмом-памятником русской славы в Отечественной войне 1812 года. Иконостас главного алтаря тонкой чеканной работы, исполнен из ста пудов серебра: из них сорок пожертвованы храму донскими казаками, отбившими в 1812 году это серебро у французов. Стены собора украшены трофеями, взятыми у французов в 1812 году. Вражеские знамена склонились у священной гробницы погребенного в соборе князя Михаила Кутузова-Смоленского, спасителя Отечества. Бронзовые изваяния Кутузова и Барклая де Толли стоят перед храмом у концов колоннады, полукругом обнявшей соборную площадь...

В многочисленных чудотворных списках с Казанской иконы прославляется на Руси Пречистая Богородица, Покровительница православного русского народа. Из множества икон Богородицы, почитаемых в Русской Православной Церкви, ни одна не распространена в таком числе, как Казанская. Всей Православной Русью она свято чтится, к ней чаще всего обращают взоры в бедах и болезнях, взывая: “Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, за всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего... всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево, Ты бо еси Божественный покров рабом Твоим”.

Благодатным осенением расположились иконы Пречистой Богородицы по лицу нашей Отчизны, воистину образуя Небесный покров. Ее неустанным ходатайством ниспосланный Божественным Сыном, принесшим Себя в жертву для спасения человечества. Древний Владимирский святой образ Богородицы хранит и благословляет наши северные пределы, Смоленская и Почаевская иконы ограждают запад, а на восток, до края земли сияет лучами неизбывной благодати чудотворный Казанский образ Пречистой нашей Матери.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/>

Преподобномученицы Варвара и Елисавета Алапаевские

Преподобномученицы
Варвара и Елисавета
Алапаевские

Преподобномученица Великая княгиня Елисавета родилась 20 октября 1864 года в протестантской семье Великого герцога

Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. В 1884 году она вышла замуж за Великого князя Сергея Александровича, брата Императора Российского Александра III.

Видя глубокую веру своего супруга, Великая княгиня всем сердцем искала ответ на вопрос – какая же религия истинна? Она горячо молилась и просила Господа открыть ей Свою волю. 13 апреля 1891 года, в Лазареву субботу, над Елисаветой Феодоровной был совершен чин принятия в Православную Церковь. В том же году Великий князь Сергей Александрович был назначен генерал-губернатором Москвы.

Посещая храмы, больницы, детские приюты, дома для престарелых и тюрьмы, Великая княгиня видела много страданий. И везде она старалась сделать что-либо для их облегчения.

После начала в 1904 году русско-японской войны Елисавета Феодоровна во многом помогала фронту, русским воинам. Трудилась она до полного изнеможения.

5 февраля 1905 года произошло страшное событие, изменившее всю жизнь Елисаветы Феодоровны. От взрыва бомбы революционера-террориста погиб Великий князь Сергей Александрович. Бросившаяся к месту взрыва Елисавета Феодоровна увидела картину, по своему ужасу превосходившую человеческое воображение. Молча, без крика и слез, стоя на коленях в снегу, она начала собирать и класть на носилки части тела горячо любимого и живого еще несколько минут назад мужа.

В час тяжелого испытания Елисавета Феодоровна просила помощи и утешения у Бога. На следующий день она причастилась Святых Тайн в храме Чудова монастыря, где стоял гроб супруга. На третий день после гибели мужа Елисавета Феодоровна поехала в тюрьму к убийце. Она не испытывала к нему ненависти. Великая княгиня хотела, чтобы он раскаялся в своем ужасном преступлении и молил Господа о прощении. Она даже подала Государю прошение о помиловании убийцы.

Елисавета Феодоровна решила посвятить свою жизнь Господу через служение людям и создать в Москве обитель труда, милосердия и молитвы. Она купила на улице Большая Ордынка участок земли с четырьмя домами и обширным садом. В обители, которая была названа Марфо-Мариинской в честь святых сестер Марфы и Марии, были созданы два храма – Марфо-Мариинский и Покровский, больница, считавшаяся впоследствии лучшей в Москве, и аптека, в которой лекарства отпускались бедным бесплатно, детский приют и школа. Вне стен обители был устроен дом-больница для женщин, больных туберкулезом.

10 февраля 1909 года обитель начала свою деятельность. 9 апреля 1910 года за всеобщим бдением епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов; + 1934) по чину, разработанному Святейшим Синодом, посвятил насельниц в звание крестовых сестер любви и милосердия. Сестры дали обет, по примеру инокинь, проводить девственную жизнь в труде и молитве. На следующий день за Божественной литургией святитель Владимир, митрополит Московский и Коломенский, возложил на сестер восьмиконечные кипарисовые кресты, а Елисавету Феодоровну возвел в сан настоятельницы обители. Великая княгиня сказала в тот день: “Я оставляю блестящий мир ...но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих”.

В Марфо-Мариинской обители Великая княгиня Елисавета Феодоровна вела подвижническую жизнь: спала на деревянной кровати без матраса, часто не более трех часов; пищу употребляла весьма умеренно и строго соблюдала посты; в полночь вставала на молитву, а потом обходила все палаты больницы, нередко до рассвета оставаясь у постели тяжелобольного. Она говорила сестрам обители: “Не страшно ли, что мы из ложной гуманности стараемся усыплять таких страдальцев надеждой на их мнимое выздоровление. Мы оказали бы им лучшую услугу, если бы заранее приготовили их к христианскому переходу в вечность”. Без благословения духовника обители протоиерея Митрофана Серебрянского и без советов старцев Оптиной Введенской пустыни, других монастырей

она ничего не предпринимала. За полное послушание старцу она получила от Бога внутреннее утешение и стяжала мир в своей душе.

С начала первой мировой войны Великая княгиня организовала помощь фронту. Под ее руководством формировались санитарные поезда, устраивались склады лекарств и снаряжения, отправлялись на фронт походные церкви.

Отречение Императора Николая II от престола явилось большим ударом для Елисаветы Феодоровны. Душа ее была потрясена, она не могла говорить без слез. Елисавета Феодоровна видела, в какую пропасть летела Россия, и горько плакала о русском народе, о дорогой ей царской семье.

В ее письмах того времени есть следующие слова: “Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет. Мы... должны устремить свои мысли к Небесному Царствию... и сказать с покорностью: “Да будет воля Твоя”.

Великую княгиню Елисавету Феодоровну арестовали на третий день святой Пасхи 1918 года, в Светлый вторник. В тот день святитель Тихон служил молебен в обители.

С ней разрешили поехать сестрам обители Варваре Яковлевой и Екатерине Янышевой. Их привезли в сибирский город Алапаевск 20 мая 1918 года. Сюда же были доставлены Великий князь Сергей Михайлович и его секретарь Федор Михайлович Ремез, Великие князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи и князь Владимир Палей. Спутниц Елисаветы Феодоровны отправили в Екатеринбург и там отпустили на свободу. Но сестра Варвара добилась, чтобы ее оставили при Великой княгине.

5(18) июля 1918 года узников ночью повезли в направлении

деревни Синячихи. За городом, на заброшенном руднике, и совершилось кровавое преступление. С площадной руганью, избивая мучеников прикладами винтовок, палачи стали бросать их в шахту. Первой столкнули Великую княгиню Елисавету. Она крестилась и громко молилась: “Господи, прости им, не знают, что делают!”.

Елисавета Феодоровна и князь Иоанн упали не на дно шахты, а на выступ, находящийся на глубине 15 метров. Сильно израненная, она оторвала от своего апостольника часть ткани и сделала перевязку князю Иоанну, чтобы облегчить его страдания. Крестьянин, случайно оказавшийся неподалеку от шахты, слышал, как в глубине шахты звучала Херувимская песнь – это пели мученики.

Несколько месяцев спустя армия адмирала Александра Васильевича Колчака заняла Екатеринбург, тела мучеников были извлечены из шахты. У преподобномучениц Елисаветы и Варвары и у Великого князя Иоанна пальцы были сложены для крестного знамени.

При отступлении Белой армии гробы с мощами преподобномучениц в 1920 году были доставлены в Иерусалим. В настоящее время их мощи почивают в храме равноапостольной Марии Магдалины у подножия Елеонской горы.

Преподобномученица инокиня Варвара была крестовой сестрой и одной из первых насельниц Марфо-Мариинской обители в Москве. Будучи келейницей и сестрой, самой близкой к Великой княгине Елисавете Феодоровне, она не превозносилась и не гордилась этим, а была со всеми добра, ласкова и обходительна, и все любили ее. В Екатеринбурге сестру Варвару отпустили на свободу, но и она, и другая сестра – Екатерина Янышева просили вернуть их в Алапаевск. В ответ на запугивания Варвара сказала, что готова разделить судьбу своей матушки-настоятельницы. Как более старшую по возрасту, в Алапаевск вернули ее. Варвара была убита вместе с другими Алапаевскими мучениками.

Память преподобномучениц Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары совершается 5 (18) июля и в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/>

Царственные страстотерпцы

БЛАГОВЕРНЫЙ ЦАРЬ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ И ЕГО СЕМЬЯ

Будущий Император Всероссийский Николай II родился 6 (18) мая 1868 года, в день святого праведного Иова Многострадального. Он был старшим сыном Императора Александра III и его супруги Императрицы Марии Феодоровны. Воспитание, полученное им под руководством отца, было строгим, почти суровым. «Мне нужны нормальные здоровые русские дети» – такое требование выдвигал Император к воспитателям своих детей. А такое воспитание могло быть по духу только православным. Еще маленьким ребенком Наследник Цесаревич проявлял особую любовь к Богу, к Его

Церкви. Он получил весьма хорошее домашнее образование – знал несколько языков, изучил русскую и мировую историю, глубоко разбирался в военном деле, был широко эрудированным человеком. У Императора Александра III была программа всесторонней подготовки Наследника к исполнению монарших обязанностей, но этим планам в полной мере не суждено было осуществиться...

Императрица Александра Феодоровна (принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) родилась 25 мая (7 июня) 1872 года в Дармштадте, столице небольшого германского герцогства, к тому времени уже насильственно включенного в Германскую империю. Отцом Алисы был Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг, а мать – принцесса Алиса Английская, третья дочь королевы Виктории. В младенчестве принцесса Алиса – дома ее звали Аликс – была веселым, живым ребенком, получив за это прозвище «Санни» (Солнышко). Дети гессенской четы – а их было семеро – воспитывались в глубоко патриархальных традициях. Жизнь их проходила по строго установленному матерью регламенту, ни одной минуты не должно было проходить без дела. Одежда и еда детей были очень простыми. Девочки сами зажигали камины, убирали свои комнаты. Мать старалась с детства привить им качества, основанные на глубоко христианском подходе к жизни.

Первое горе Аликс перенесла в шесть лет – от дифтерии в возрасте тридцати пяти лет умерла ее мать. После пережитой трагедии маленькая Аликс стала замкнутой, отчужденной, начала сторониться незнакомых людей; успокаивалась она только в семейном кругу. После смерти дочери королева Виктория перенесла свою любовь на ее детей, особенно на младшую, Аликс. Ее воспитание, образование отныне проходило под контролем бабушки.

Царственные страстотерпц ы

Первая встреча шестнадцатилетнего Наследника Цесаревича Николая Александровича и совсем юной принцессы Алисы произошла в 1884 году, когда ее старшая сестра, будущая преподобномученица Елизавета, вступила в брак с Великим князем Сергеем Александровичем, дядей Цесаревича. Между молодыми людьми завязалась крепкая дружба, перешедшая затем в глубокую и все возрастающую любовь. Когда в 1889 году, достигнув совершеннолетия, Наследник обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой, отец отказал, мотивируя отказ молодостью Наследника. Пришлось смириться перед отцовской волей. В 1894 году, непоколебимую решимость сына, обычно мягкого и даже робкого в общении с отцом, Император Александр III дает благословение на брак. Единственным препятствием оставался переход в Православие – по российским законам невеста Наследника российского престола должна быть православной. Протестантка по воспитанию, Алиса была убеждена в истинности своего исповедания и поначалу смущалась необходимостью перемены вероисповедания.

Радость взаимной любви была омрачена резким ухудшением здоровья отца – Императора Александра III. Поездка в Крым осенью 1894 года не принесла ему облегчения, тяжелый недуг неумолимо уносил силы...

20 октября Император Александр III скончался. На следующий день в дворцовой церкви Ливадийского дворца принцесса Алиса была присоединена к Православию через Миропомазание, получив имя Александры Феодоровны.

Несмотря на траур по отцу, было решено не откладывать бракосочетание, но оно состоялось в самой скромной обстановке 14 ноября 1894 года. Наступившие затем дни семейного счастья вскоре сменились для нового Императора необходимостью принятия на себя всего бремени управления Российской империей.

Ранняя смерть Александра III не позволила вполне завершить подготовку Наследника к исполнению обязанностей монарха. Он еще не был полностью введен в курс высших государственных дел, уже после восшествия на престол многое ему пришлось узнавать из докладов своих министров.

Впрочем, характер Николая Александровича, которому при воцарении было двадцать шесть лет, и его мировоззрение к этому времени вполне определились.

Лица, стоявшие близко ко двору, отмечали его живой ум – он всегда быстро схватывал существо докладываемых ему вопросов, прекрасную память, особенно на лица, благородство образа мыслей. Но Цесаревича заслоняла мощная фигура Александра III. Николай Александрович своей мягкостью, тактичностью в обращении, скромными манерами на многих производил впечатление человека, не унаследовавшего сильной воли своего отца.

Руководством для Императора Николая II было политическое завещание отца: «Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед Престолом Всевышнего. Вера в Бога и святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся самого себя и своей совести».

С самого начала своего правления державой Российской Император Николай II относился к несению обязанностей монарха как к священному долгу. Государь глубоко верил, что и для стомиллионного русского народа царская власть была и остается

священной. В нем всегда жило представление о том, что Царю и Царице следует быть ближе к народу, чаще видеть его и больше доверять ему.

1896 год был ознаменован коронационными торжествами в Москве. Венчание на царство – важнейшее событие в жизни монарха, в особенности когда он проникнут глубокой верой в свое призвание. Над царской четой было совершено Таинство миропомазания – в знак того, что как нет выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения, Господь... даст крепость царем нашим (1 Цар. 2,10). С этого мгновения Государь почувствовал себя подлинным помазанником Божиим. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

Царевич
Алексий

К великой скорби Государя, торжества в Москве были омрачены катастрофой на Ходынском поле: в ожидавшей царских подарков толпе произошла давка, в которой погибло много людей. Став верховным правителем огромной империи, в руках которого практически сосредотачивалась вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, Николай Александрович взял на себя громадную историческую и моральную ответственность за все происходящее во вверенном ему государстве. И одной из важнейших своих обязанностей почитал Государь хранение веры православной, по слову Священного Писания: «царь... заключил пред лицом Господним завет – последовать Господу и соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы Его всего сердца и от всей души» (4 Цар. 23, 3). Через год после свадьбы, 3 ноября

1895 года, родилась первая дочь – Великая княжна Ольга; за ней последовало появление на свет трех полных здоровья и жизни дочерей, которые составляли радость своих родителей, Великих княжон Татианы (29 мая 1897 года), Марии (14 июня 1899 года) и Анастасии (5 июня 1901 года). Но эта радость была не без примеси горечи – заветным желанием Царской четы было рождение Наследника, чтобы Господь приложил дни ко дням царя, лета его продлил в род и род (Пс. 60, 7).

Долгожданное событие произошло 12 августа 1904 года, через год после паломничества Царской семьи в Саров, на торжества прославления преподобного Серафима. Казалось, начинается новая светлая полоса в их семейной жизни. Но уже через несколько недель после рождения Царевича Алексея выяснилось, что он болен гемофилией. Жизнь ребенка все время висела на волоске: малейшее кровотечение могло стоить ему жизни. Страдания матери были особенно сильны...

Глубокая и искренняя религиозность выделяла Императорскую чету среди представителей тогдашней аристократии. Духом православной веры было проникнуто с самого начала и воспитание детей Императорской семьи. Все ее члены жили в соответствии с традициями православного благочестия. Обязательные посещения богослужений в воскресные и праздничные дни, говение во время постов были неотъемлемой частью быта русских царей, ибо царь уповает на Господа, и во благодати Всевышнего не поколеблется (Пс. 20, 8).

Однако личная религиозность Государя Николая Александровича, и в особенности его супруги, была чем-то бесспорно большим, чем простое следование традициям. Царская чета не только посещает храмы и монастыри во время своих многочисленных поездок, поклоняется чудотворным иконам и мощам святых, но и совершает паломничества, как это было в 1903 году во время прославления преподобного Серафима Саровского. Краткие богослужения в придворных храмах не удовлетворяли уже Императора и Императрицу. Специально для них совершались службы в царскосельском Феодоровском соборе, построенном в стиле XVI

века. Здесь Императрица Александра молилась перед аналоем с раскрытыми богослужебными книгами, внимательно следя за ходом церковной службы.

Царевич
Алексий

Нуждам Православной Церкви Император уделял огромное внимание во все время своего царствования. Как и все российские императоры, Николай II щедро жертвовал на постройку новых храмов, в том числе и за пределами России. За годы его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, было открыто более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке новых храмов и других церковных торжествах. Личное благочестие Государя проявилось и в том, что за годы его царствования было канонизировано святых больше, чем за два предшествующих столетия, когда было прославлено лишь 5 святых угодников. За время последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Черниговский (1896 г.), преподобный Серафим Саровский (1903 г.), святая княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 г.), святитель Иоасаф Белгородский (1911 г.), святитель Ермоген Московский (1913 г.), святитель Питирим Тамбовский (1914 г.), святитель Иоанн Тобольский (1916 г.). При этом Император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Император Николай II высоко чтит святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. После его блаженной кончины царь повелел совершать всенародное молитвенное

поминовение почившего в день его преставления.

В годы правления Императора Николая II сохранялась традиционная синодальная система управления Церковью, однако именно при нем церковная иерархия получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить созыв Поместного Собора.

Стремление привносить в государственную жизнь христианские религиозно-нравственные принципы своего мировоззрения всегда отличало и внешнюю политику Императора Николая II. Еще в 1898 году он обратился к правительствам Европы с предложением о созыве конференции для обсуждения вопросов сохранения мира и сокращения вооружений. Следствием этого стали мирные конференции в Гааге в 1889 и 1907 годах. Их решения не утратили своего значения и до наших дней.

Но, несмотря на искреннее стремление Государя к I миру, в его царствование России пришлось участвовать в двух кровопролитных войнах, приведших к внутренним смутам. В 1904 году без объявления войны начала военные действия против России Япония – следствием этой тяжелой для России войны стала революционная смута 1905 года. Как великую личную скорбь воспринимал Государь происходившие в стране беспорядки...

В неофициальной обстановке с Государем общались немногие. И все, кто знал его семейную жизнь не понаслышке, отмечали удивительную простоту, взаимную любовь и согласие всех членов этой тесно сплоченной семьи. Центром ее был Алексей Николаевич, на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. По отношению к матери дети были полны уважения и предупредительности. Когда Императрице нездоровилось, дочери устраивали поочередное дежурство при матери, и та из них, которая в этот день несла дежурство, безвыходно оставалась при ней. Отношения детей с Государем были трогательны – он был для них одновременно царем, отцом и товарищем; чувства их видоизменялись в зависимости от обстоятельств, переходя от почти религиозного поклонения до полной доверчивости и самой

сердечной дружбы.

Николай II

Обстоятельством, постоянно омрачавшим жизнь Императорской семьи, была неизлечимая болезнь Наследника. Приступы гемофилии, во время которых ребенок испытывал тяжкие страдания, повторялись неоднократно. В сентябре 1912 года вследствие неосторожного движения произошло внутреннее кровотечение, и положение было настолько серьезно, что опасались за жизнь Цесаревича. Во всех храмах России служились молебны о его выздоровлении. Характер болезни являлся государственной тайной, и родители часто должны были скрывать переживаемые ими чувства, участвуя в обычном распорядке дворцовой жизни. Императрица хорошо понимала, что медицина была здесь бессильна. Но ведь для Бога нет ничего невозможного! Будучи глубоко верующей, она всей душой предавалась усердной молитве в чаянии чудесного исцеления. Подчас, когда ребенок был здоров, ей казалось, что ее молитва услышана, но приступы снова повторялись, и это наполняло душу матери бесконечной скорбью. Она готова была поверить всякому, кто был способен помочь ее горю, хоть как-то облегчить страдания сына, – и болезнь Цесаревича открывала двери во дворец тем людям, которых рекомендовали Царской семье как целителей и молитвенников. В их числе появляется во дворце крестьянин Григорий Распутин, которому суждено было сыграть свою роль в жизни Царской семьи, да и в судьбе всей страны – но претендовать на эту роль он не имел никакого права. Лица, искренне любившие Царскую семью, пытались как-то ограничить влияние Распутина; среди них были преподобномученица Великая

княгиня Елизавета, священномученик митрополит Владимир... В 1913 году вся Россия торжественно праздновала трехсотлетие Дома Романовых. После февральских торжеств в Петербурге и Москве, весной, Царская семья довершает поездку по древним среднерусским городам, история которых связана с событиями начала XVII века. На Государя произвели большое впечатление искренние проявления народной преданности – а население страны в те годы быстро увеличивалось: во множестве народа величие царю (Притч. 14, 28).

Россия находилась в это время на вершине славы и могущества: невиданными темпами развивалась промышленность, все более могущественными становились армия и флот, успешно проводилась в жизнь аграрная реформа – об этом времени можно сказать словами Писания: превосходство страны в целом есть царь, заботящийся о стране (Еккл. 5, 8). Казалось, что все внутренние проблемы в недалеком будущем благополучно разрешатся.

Но этому не суждено было осуществиться: назревала первая мировая война. Используя как предлог убийство террористом наследника австро-венгерского престола, Австрия напала на Сербию. Император Николай II посчитал своим христианским долгом вступить за православных сербских братьев...

19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила России войну, которая вскоре стала общеевропейской. В августе 1914 года необходимость помочь своей союзнице Франции заставила Россию начать слишком поспешное наступление в Восточной Пруссии, что привело к тяжелому поражению. К осени стало ясно, что близкого конца военных действий не предвидится. Однако с начала войны на волне патриотизма в стране затихли внутренние разногласия. Даже самые трудные вопросы становились разрешимыми – удалось осуществить давно задуманное Государем запрещение продажи спиртных напитков на все время войны. Его убеждение в полезности этой меры было сильнее всех экономических соображений.

Государь регулярно выезжает в Ставку, посещает различные секторы своей огромной армии, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы – одним словом, все, что играло роль в ведении этой грандиозной войны. Императрица с самого начала посвятила себя раненым. Пройдя курсы сестер милосердия, вместе со старшими дочерьми – Великими княжнами Ольгой и Татьяной – она по несколько часов в день ухаживала за ранеными в своем царскосельском лазарете, помня, что требует Господь любить дела милосердия (Мих. 6, 8).

22 августа 1915 года Государь выехал в Могилев, чтобы принять на себя командование всеми вооруженными силами России. Император с начала войны рассматривал свое пребывание на посту Верховного главнокомандующего как исполнение нравственного и государственного долга перед Богом и народом: назначал пути им и сидел во главе и жил как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих (Иов 29, 25). Впрочем, Государь всегда предоставлял ведущим военным специалистам широкую инициативу в решении всех военно-стратегических и оперативно-тактических вопросов.

С этого дня Император постоянно находился в Ставке, часто вместе с ним был и Наследник. Примерно раз в месяц Государь на несколько дней приезжал в Царское Село. Все ответственные решения принимались им, но в то же время он поручил Императрице поддерживать сношения с министрами и держать его в курсе происходящего в столице. Государыня являлась самым близким ему человеком, на которого всегда можно было положиться. Сама Александра Феодоровна занялась политикой не из личного честолюбия и жажды власти, как об этом тогда писали. Единственным ее желанием было быть полезной Государю в трудную минуту и помогать ему своими советами. Ежедневно она отправляла в Ставку подробные письма-донесения, что хорошо было известно министрам.

Январь и февраль 1917 года Государь провел в Царском Селе. Он чувствовал, что политическая обстановка становится все более и более натянутой, но продолжал надеяться на то, что чувство патриотизма все же возьмет верх, сохранял веру в армию,

положение которой значительно улучшилось. Это вселяло надежды на успех большого весеннего наступления, которое нанесет решительный удар Германии. Но это хорошо понимали и враждебные государю силы.

Николай II

22 февраля Государь выехал в Ставку – этот момент послужил сигналом для врагов порядка. Им удалось посеять в столице панику из-за надвигавшегося голода, ведь во время голода будут злиться, хулить царя своего и Бога Своего (Ис. 8, 21). На следующий день в Петрограде начались волнения, вызванные перебоями с подвозом хлеба, они скоро переросли в забастовку под политическими лозунгами – «Долой войну», «Долой самодержавие». Попытки разогнать манифестантов не увенчались успехом. В Думе тем временем шли дебаты с резкой критикой правительства – но в первую очередь это были выпады против Государя. Претендующие на роль представителей народа депутаты словно забыли наставление первоверховного апостола: Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите (1 Пет. 2, 17).

25 февраля в Ставке было получено сообщение о беспорядках в столице. Узнав о положении дел, Государь посылает войска в Петроград для поддержания порядка, а затем сам отправляется в Царское Село. Его решение было, очевидно, вызвано и желанием быть в центре событий для принятия в случае необходимости быстрых решений, и тревогой за семью. Этот отъезд из Ставки оказался роковым. За 150 верст от Петрограда царский поезд был остановлен – следующая станция Любань была в руках мятежников. Пришлось следовать через станцию Дно, но и тут путь оказался

закрит. Вечером 1 марта Государь прибыл в Псков, в ставку командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского.

В столице наступило полное безвластие. Но Государь и командование армией считали, что Дума контролирует положение; в телефонных переговорах с председателем Государственной думы М. В. Родзянко Государь соглашался на все уступки, если Дума сможет восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так на самом деле? Ведь революцией были охвачены только Петроград и окрестности, а авторитет Царя в народе и в армии был еще велик. Ответ Думы ставил Царя перед выбором: отречение или попытка идти на Петроград с верными ему войсками – последнее означало гражданскую войну в то время, как внешний враг находился в российских пределах.

Все окружающие Государя также убеждали его в том, что отречение – единственный выход. Особенно на этом настаивали командующие фронтами, требования которых поддержал начальник Генерального штаба М. В. Алексеев – в войске произошли страх и трепет и ропот на царей (3 Езд. 15, 33). И после долгих и мучительных размышлений Император принял выстраданное решение: отречься и за себя и за Наследника, ввиду его неизлечимой болезни, в пользу брата, Великого князя Михаила Александровича. Государь покидал верховную власть и главнокомандование как Царь, как воин, как солдат, до последней минуты не забывая о своем высоком долге. Его Манифест – это акт высочайшего благородства и достоинства.

8 марта комиссары Временного правительства, прибыв в Могилев, объявили через генерала Алексеева об аресте Государя и необходимости проследовать в Царское Село. В последний раз он обратился к своим войскам, призывая их к верности Временному правительству, тому самому, которое подвергло его аресту, к исполнению своего долга перед Родиной до полной победы. Прощальный приказ войскам, в котором выразились благородство души Государя, его любовь к армии, вера в нее, был скрыт от народа Временным правительством, запретившим его публикацию. Новые правители, одни других одолевая, вознерадели о царе

своим (3 Езд. 15, 16) – они, конечно, боялись, что армия услышит благородную речь своего Императора и Верховного главнокомандующего.

В жизни Императора Николая II было два неравных по продолжительности и духовной значимости периода – время его царствования и время пребывания в заточении, если первый из них дает право говорить о нем как о православном правителе, исполнившем свои монаршие обязанности как священный долг перед Богом, о Государе, памятующем слова Священного Писания: Ты избрал мя еси царя людем Твоим (Прем. 9, 7), то второй период – крестный путь восхождения к вершинам святости, путь на русскую Голгофу...

Рожденный в день памяти святого праведного Иова Многострадального, Государь принял свой крест так же, как библейский праведник, перенес все ниспосланные ему испытания твердо, кротко и без тени ропота. Именно это долготерпение с особенной ясностью открывается в истории последних дней Императора. С момента отречения не столько внешние события, сколько внутреннее духовное состояние Государя привлекает к себе внимание. Государь, приняв, как ему казалось, единственно правильное решение, тем не менее переживал тяжелое душевное мучение. «Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», – говорил Государь Генералу Д. Н. Дубенскому.

В самый день отречения, 2 марта, тот же генерал Шубенский записал слова министра Императорского Двора графа В. Б. Фредерикса: «Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастью России, что его нашли нужным просить оставить трон. Его волновала мысль о семье, которая оставалась в Царском Селе одна, дети больны. Государь страшно страдает, но ведь он такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе». Сдержан Николай Александрович и в личном дневнике. Только в

самом конце записи на этот день прорывается его внутренне чувство: «Нужно мое отречение. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»

Временное правительство объявило об аресте Императора Николая II и его Августейшей супруги и содержании их в Царском Селе. Арест Императора и Императрицы не имел ни малейшего законного основания или повода.

Валентин Серов. Портрет Императора Николая II. 1900 г.

Когда начавшиеся в Петрограде волнения перекинулись и на Царское Село, часть войск взбунтовалась, и громадная толпа бунтовщиков – более 10 тысяч человек – двинулась к Александровскому дворцу. Императрица в тот день, 28 февраля, почти не выходила из комнаты больных детей. Ей докладывали,

что будут приняты все меры для безопасности дворца. Но толпа была уже совсем близко – всего в 500 шагах от ограды дворца был убит часовой. В этот момент Александра Феодоровна проявляет решимость и незаурядное мужество – вместе с Великой княжной Марией Николаевной она обходит ряды верных ей солдат, занявших оборону вокруг дворца и уже готовых к бою. Она убеждает их договориться с восставшими и не проливать крови. К счастью, в этот момент благоразумие возобладало. Последующие дни Государыня провела в страшной тревоге за судьбу Императора – до нее доходили лишь слухи об отречении. Только 3 марта она получила от него краткую записку. Переживания Императрицы в эти дни ярко описаны очевидцем протоиереем Афанасием Беляевым, служившим во дворце молебен: «Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати Наследника. Перед иконою зажгли несколько тоненьких восковых свечей. Начался молебен... О, какое страшное, неожиданное горе постигло Царскую семью! Получилось известие, что Государь, возвращавшийся из Ставки в родную семью, арестован и даже, возможно, отрекся от престола... Можно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная Царица, мать с пятью своими тяжело заболевшими детьми! Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, геройски, самоотверженно, посвятив себя уходу за больными, [с] полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила прежде всего помолиться пред чудотворною иконою Знамения Божьей Матери. Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к иконе и подойдя под нее, попросила принести икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети сразу могли приложиться к Чудотворному Образу. Когда мы выносили икону из дворца, дворец уже был оцеплен войсками, и все находящиеся в нем оказались арестованными».

9 марта арестованного накануне Императора перевозят в Царское Село, где его с нетерпением ждала вся семья. Начался почти пятимесячный период неопределенного пребывания в Царском Селе. Дни проходили размеренно – в регулярных богослужениях, совместных трапезах, прогулках, чтении и общении с родными

людьми. Однако при этом жизнь узников подвергалась мелочным стеснениям – Государю было объявлено А. Ф. Керенским, что он должен жить отдельно и видаться с Государыней только за столом, причем разговаривать только по-русски. Караульные солдаты в грубой форме делали ему замечания, доступ во дворец близких Царской семье лиц воспрещался. Однажды солдаты даже отняли у Наследника игрушечное ружье под предлогом запрета носить оружие.

Отец Афанасий Беляев, регулярно совершавший в этот период богослужения в Александровском дворце, оставил свои свидетельства о духовной жизни царскосельских узников. Вот как проходила во дворце служба утрени Великой пятницы 30 марта 1917 года. «Служба шла благоговейно и умирительно... Их Величества всю службу слушали стоя. Перед ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелия, так что по ним можно было следить за чтением. Все простояли до конца службы и ушли через общее зало в свои комнаты. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая царственная семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужением».

На следующий день вся семья исповедовалась. Вот как выглядели комнаты царских детей, в которых совершалось Таинство исповеди: «Какие удивительно по-христиански убранные комнаты. У каждой княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров с изображением чтимых особенно святых угодников. Перед иконостасом складной аналой, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники и богослужебные книги, а также Святое Евангелие и крест. Убранство комнат и вся их обстановка представляют собой невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство. Для выслушивания молитв перед исповедью все четверо детей были в одной комнате...»

«Впечатление [от исповеди] получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего

Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи – страстной и греховной, – пишет отец Афанасий, – меня привели в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть, им неведомых, и как расположить к раскаянию в известных мне грехах».

Доброта и душевное спокойствие не оставляли Императрицу даже в эти самые трудные после отречения Государя от престола дни. Вот с какими словами утешения обращается она в письме к корнету С. В. Маркову: «Вы не один, не бойтесь жить. Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда все страдания и мучения. Идите прямо вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимитесь снова и идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и ваша жизнь покажется вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь».

В дворцовой Церкви или в бывших царских покоях отец Афанасий регулярно совершал всенощную и Божественную литургию, за которыми всегда присутствовали все члены Императорской семьи. После дня Святой Троицы в дневнике отца Афанасия все чаще и чаще появляются тревожные сообщения – он отмечает растущее раздражение караульных, доходящих порой до грубости по отношению к Царской семье. Не остается без его внимания и душевное состояние членов Царской семьи – да, все они страдали, отмечает он, но вместе со страданиями возрастали их терпение и молитва. В своих страданиях стяжали они подлинное смирение – по слову пророка: Скажи царю и царице: смиритесь... ибо упал с головы вашей венец славы вашей (Иер. 13, 18).

«...Ныне смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец,

доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на крест и Евангелие... высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах пред величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях», – читаем мы в дневнике отца Афанасия Беляева.

В жизни Царственных узников тем временем назревали серьезные изменения. Временное правительство назначило комиссию по расследованию деятельности Императора, но несмотря на все старания обнаружить хоть что-то, порочащее Царя, ничего не нашли – Царь был невиновен. Когда невиновность его была доказана и стало очевидно, что за ним нет никакого преступления, Временное правительство вместо того, чтобы освободить Государя и его Августейшую супругу, приняло решение удалить узников из Царского Села. В ночь на 1 августа они были отправлены в Тобольск – сделано это было якобы ввиду возможных беспорядков, первой жертвой которых могла сделаться Царская семья. На деле же тем самым семья обрекалась на крест, ибо в это время дни самого Временного правительства были сочтены.

30 июля, за день до отъезда Царской семьи в Тобольск, была отслужена последняя Божественная литургия в царских покоях; в последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклоненно у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей, и в то же время понимая, что вступают они на путь, предначертанный Самим Господом Иисусом Христом для всех христиан: Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в темницы, и поведут пред правителей за имя Мое (Лк. 21, 12). За этой литургией молилась вся Царская семья и их уже совсем малочисленная прислуга.

6 августа Царственные узники прибыли в Тобольск. Первые недели пребывания в Тобольске Царской семьи были едва ли не самыми спокойными за весь период их заточения. 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, узникам позволили в первый раз отправиться в церковь. Впоследствии и это утешение

крайне редко выпадало на их долю. Одним из самых больших лишений за время жизни в Тобольске было почти полное отсутствие всяких известий. Письма доходили с огромным опозданием. Что же касается газет, то приходилось довольствоваться местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге и дававшим лишь старые телеграммы с опозданием на несколько дней, да и те чаще всего появлялись здесь в искаженном и урезанном виде. Император с тревогой следил за разверзавшимися в России событиями. Он понимал, что страна стремительно идет к гибели.

Убиение
святого царя
Николая,
святыя
царицы
Александры,
царевича,
царевен и
слуг их

Корнилов предложил Керенскому ввести войска в Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, которая становилась изо дня в день все более угрожающей. Безмерна была печаль Царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению Родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное средство избежать неминуемой катастрофы. Государь раскаивается в своем отречении. «Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжать с честью войну и не погубят дело спасения России.

Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови... Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо родины, он принес ей вред своим отречением», – вспоминает П. Жильяр, воспитатель Цесаревича Алексея.

А между тем к власти в Петрограде уже пришли большевики – наступил период, о котором Государь написал в своем дневнике: «гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени». Известие об октябрьском перевороте дошло до Tobольска 15 ноября. Солдаты, охранявшие губернаторский дом, прониклись расположением к Царской семье, и прошло несколько месяцев после большевистского переворота, прежде чем перемена власти стала сказываться на положении узников. В Tobольске образовался «солдатский комитет», который, всячески стремясь к самоутверждению, демонстрировал свою власть над Государем – то заставляют его снять погоны, то разрушают ледяную горку, устроенную для Царских детей: над царями он издевается, по слову пророка Аввакума (Авв. 1, 10). С 1 марта 1918 года «Николай Романов и его семейство переводятся на солдатский паек».

В письмах и дневниках членов Императорской семьи засвидетельствовано глубокое переживание той трагедии, которая разворачивалась на их глазах. Но эта трагедия не лишает Царственных узников силы духа, веры и надежды на помощь Божию.

«Тяжело неимоверно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте веру в Божию милость. Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в силах наших помочь). И Он спасет, долготерпелив и многомилостив – не прогневается до конца... Без веры невозможно было бы жить...

Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней [Родиной] все переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все

разделить, все пережить и с любовью и волнением за ним следовать, так и с Родиной. Я чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство, – мы одно составляем, и делим горе и счастье. Больно она нам сделала, обидела, оклеветала... но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную...

Крепко верю, что время страданий проходит, что солнце опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь милостив – спасет Родину...» – писала Императрица.

Страдания страны и народа не могут быть бессмысленными – в это твердо верят Царственные страстотерпцы: «Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы, награду за все страдания... Весна придет и порадует, и высушит слезы и кровь, пролитые струями над бедной Родиной...

Много еще тяжелого впереди – больно, сколько кровопролитий, больно ужасно! Но правда должна окончательно победить...

Как же жить, если нет надежды? Надо быть бодрым, и тогда Господь даст душевный мир. Больно, досадно, обидно, стыдно, страдаешь, все болит, исколото, но тишина на душе, спокойная вера и любовь к Богу, Который Своих не оставит и молитвы усердных услышит и помилует и спасет...

...Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что больше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его святая!»

Утешение и кротость в перенесении скорбей Царственным узникам дают молитва, чтение духовных книг, богослужение, Причащение: «...Господь Бог дал неожиданную радость и утешение, допустив нас приобщиться Святым Христовым Тайнам, для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу».

В страданиях и испытаниях умножается духовное ведение, познание себя, своей души. Устремленность к жизни вечной помогает переносить страдания и дает великое утешение: «...Все, что люблю, – страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния: Он охраняет от отчаяния, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете».

В марте стало известно, что в Бресте был заключен сепаратный мир с Германией. Государь не скрывал к нему своего отношения: «Это такой позор для России и это «равносильно самоубийству». Когда прошел слух, что немцы требуют от большевиков выдачи им Царской семьи, Императрица заявила: «Предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами». Первый большевистский отряд прибыл в Тобольск во вторник 22 апреля. Комиссар Яковлев осматривает дом, знакомится с узниками. Через несколько дней он сообщает, что должен увезти Государя, уверяя, что ничего плохого с ним не случится. Предполагая, что его хотят отправить в Москву для подписания сепаратного мира с Германией, Государь, которого ни при каких обстоятельствах не покидало высокое душевное благородство (вспомним Послание пророка Иеремии: царь, показуяй свое мужество – Посл. Иер. 1, 58), твердо сказал: «Я лучше дам отрезать себе руку, чем подпишу этот позорный договор».

Наследник в это время был болен, и везти его было невозможно. Несмотря на страх за больного сына, Государыня принимает решение следовать за супругом; с ними отправилась и Великая княжна Мария Николаевна. Только 7 мая члены семьи, оставшиеся в Тобольске, получили известие из Екатеринбурга: Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева. Когда здоровье Наследника поправилось, остальные члены Царской семьи из Тобольска были также доставлены в Екатеринбург и заточены в том же доме, но большинство лиц, приближенных к семье, к ним допущено не было.

О екатеринбургском периоде заточения Царской семьи свидетельств осталось гораздо меньше. Почти нет писем. В основном этот период известен лишь по кратким записям в

дневнике Императора и показаниям свидетелей по делу об убийстве Царской семьи. Особенно ценным представляется свидетельство протоиерея Иоанна Сторожева, совершавшего последние богослужения в Ипатьевском доме. Отец Иоанн служил там дважды в воскресные дни обедницу; в первый раз это было 20 мая (2 июня) 1918 года: «...диакон говорил прошения ектений, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой низким басом и Николай Александрович... Молились очень усердно...»

«Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было... [Он] произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза...» – писал отец Иоанн.

Сохранилось немало портретов членов Царской семьи – от прекрасных портретов А. Н. Серова до поздних, сделанных уже в заточении, фотографий. По ним можно составить представление о внешности Государя, Императрицы, Цесаревича и Княжон – но в описаниях многих лиц, видевших их при жизни, особое внимание обычно уделяется глазам. «Он смотрел на меня такими живыми глазами...» – говорил о Наследнике отец Иоанн Сторожев. Наверное, наиболее точно можно передать это впечатление словами Премудрого Соломона: «В светлом взоре царя – жизнь, и благоволение его – как облако с поздним дождем...» В церковнославянском тексте это звучит еще выразительнее: «во свете жизни сын царев» (Притч. 16, 15).

Условия жизни в «доме особого назначения» были гораздо тяжелее, чем в Тобольске. Стража состояла из 12-ти солдат, которые жили в непосредственной близости от узников, ели с ними за одним столом. Комиссар Авдеев, закоренелый пьяница, ежедневно изощрялся вместе со своими подчиненными в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям этих грубых людей – в числе охранников были бывшие уголовные

преступники. Как только Государь и Государыня прибыли в дом Ипатьева, их подвергли унижительному и грубому обыску. Спать Царской чете и Княжнам приходилось на полу, без кроватей. Во время обеда семье, состоящей из семи человек, давали всего пять ложек; сидящие за этим же столом охранники курили, нагло выпуская дым в лицо узникам, грубо отбирали у них еду.

Прогулка в саду разрешалась единожды в день, поначалу в течение 15-20 минут, а потом не более пяти. Поведение часовых было совершенно непристойным – они дежурили даже возле двери в туалет, причем не разрешали запираеть двери. На стенах охранники писали нецензурные слова, делали неприличные изображения.

Рядом с Царской семьей оставались лишь доктор Евгений Боткин, который окружил узников заботой и был посредником между ними и комиссарами, пытаясь защищать их от грубости стражи, и несколько испытанных, верных слуг: Анна Демидова, И. С. Харитонов, А. Е. Трупп и мальчик Леня Седнев.

Вера заключенных поддерживала их мужество, давала им силу и терпение в страданиях. Все они понимали возможность скорого конца. Даже у Цесаревича как-то вырвалась фраза: «Если будут убивать, только бы не мучили...» Государыня и Великие княжны часто пели церковные песнопения, которые против воли слушал их караул. В почти полной изоляции от внешнего мира, окруженные грубыми и жестокими охранниками, узники Ипатьевского дома проявляют удивительное благородство и ясность духа.

В одном из писем Ольги Николаевны есть такие строки: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

Даже грубые стражи понемногу смягчились в общении с

заключенными. Они были удивлены их простотой, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, кого думали держать в своей власти. Смягчился даже сам комиссар Авдеев. Такая перемена не укрылась от глаз большевистских властей. Авдеев был смещен и заменен Юровским, стража заменена австро-германскими пленными и wybranными людьми из числа палачей «чрезвычайки» – «дом особого назначения» стал как бы ее отделением. Жизнь его обитателей превратилась в сплошное мученичество.

1 (14) июля 1918 года отцом Иоанном Сторожевым было совершено последнее богослужение в Ипатьевском доме. Приближались трагические часы... Приготовления к казни делаются в строжайшей тайне от узников Ипатьевского дома.

Царица
Александра

В ночь с 16 на 17 июля, примерно в начале третьего, Юровский разбудил Царскую семью. Им было сказано, что в городе неспокойно и поэтому необходимо перейти в безопасное место. Минут через сорок, когда все оделись и собрались, Юровский вместе с узниками спустился на первый этаж и привел их в полуподвальную комнату содним зарешеченным окном. Все внешне были спокойны. Государь нес на руках Алексея Николаевича, у остальных в руках были подушки и другие мелкие вещи. По просьбе Государыни в комнату принесли два стула, на них положили подушки, принесенные Великими княжнами и Анной Демидовой. На стульях разместились Государыня и Алексей Николаевич. Государь стоял в центре рядом с Наследником. Остальные члены семьи и слуги разместились в разных частях

комнаты и приготовились долго ждать – они уже привыкли к ночным тревогам и разного рода перемещениям. Между тем в соседней комнате уже столпились вооруженные, ожидавшие сигнала убийцы. В этот момент Юровский подошел к Государю совсем близко и сказал: «Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета вы будете расстреляны с вашей семьей». Эта фраза явилась настолько неожиданной для Царя, что он обернулся в сторону семьи, протянув к ним руки, затем, как бы желая переспросить, обратился к коменданту, сказав: «Что? Что?» Государыня и Ольга Николаевна хотели перекреститься. Но в этот момент Юровский выстрелил в Государя из револьвера почти в упор несколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрелять все остальные – каждый заранее знал свою жертву.

Уже лежащих на полу добивали выстрелами и ударами штыков. Когда, казалось, все было кончено, Алексей Николаевич вдруг слабо застонал – в него выстрелили еще несколько раз. Картина была ужасна: одиннадцать тел лежало на полу в потоках крови. Убедившись, что их жертвы мертвы, убийцы стали снимать с них драгоценности. Затем убитых вынесли на двор, где уже стоял наготове грузовик – шум его мотора должен был заглушить выстрелы в подвале. Еще до восхода солнца тела вывезли в лес в окрестности деревни Коптяки. В течение трех дней убийцы пытались скрыть свое злодеяние...

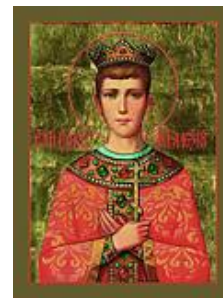
Большинство свидетельств говорит об узниках Ипатьевского дома как о людях страдающих, но глубоко верующих, несомненно покорных воле Божией. Несмотря на издевательства и оскорбления, они вели в доме Ипатьева достойную семейную жизнь, стараясь скрасить угнетающую обстановку взаимным общением, молитвой, чтением и посильными занятиями. «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою родину, – пишет один из свидетелей их жизни в заточении, воспитатель Наследника Пьер Жильяр, – они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие проистекало не из их царского сана, а от той удивительной нравственной высоты, до

которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальной силой. И в самом своем уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти».

Вместе с Императорской семьей были расстреляны и их слуги, последовавшие за своими господами в ссылку. К ним, помимо расстрелянных вместе с Императорской семьей доктором Е. С. Боткиным, комнатной девушкой Императрицы А. С. Демидовой, придворным поваром И. М. Харитоновым и лакеем А. Е. Труппом, принадлежали убиенные в различных местах и в разные месяцы 1918 года генерал-адъютант И. Л. Татищев, гофмаршал князь В. А. Долгоруков, «дядька» Наследника К. Г. Нагорный, детский лакей И. Д. Седнев, фрейлина Императрицы А. В. Гендрикова и гофлектрисса Е. А. Шнейдер.

Вскоре, после того как было объявлено о расстреле Государя, Святейший Патриарх Тихон благословил архипастырей и пастырей совершать о нем панихиды. Сам Святейший 8 (21) июля 1918 года во время богослужения в Казанском соборе в Москве сказал: «На днях свершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... Мы должны, повинувшись учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Мы знаем, что он, отрекшись от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе».

Почитание Царской семьи, начатое уже Святейшим Патриархом Тихоном в заупокойной молитве и слове на панихиде в Казанском соборе в Москве по убиенному Императору через три дня после екатеринбургского убийства, продолжалось – несмотря на господствовавшую идеологию – на протяжении нескольких десятилетий советского периода нашей истории.

Алексий
Цесаревич

Многие священнослужители и миряне втайне возносили к Богу молитвы о упокоении убиенных страдальцев, членах Царской семьи. В последние годы во многих домах в красном углу можно было видеть фотографии Царской Семьи, во множестве стали распространяться и иконы с изображением Царственных мучеников. Составлялись обращенные к ним молитвословия, литературные, кинематографические и музыкальные произведения, отражающие страдание и мученический подвиг Царской семьи. В Синодальную Комиссию по канонизации святых поступали обращения правящих архиереев, клириков и мирян в поддержку канонизации Царской семьи – под некоторыми из таких обращений стояли тысячи подписей. К моменту прославления Царственных мучеников накопилось огромное количество свидетельств о их благодатной помощи – об исцелениях больных, соединении разобщенных семей, защите церковного достояния от раскольников, о мироточении икон с изображениями Императора Николая и Царственных мучеников, о благоухании и появлении на иконных ликах Царственных мучеников пятен кровавого цвета.

Одним из первых засвидетельствованных чудес было избавление во время гражданской войны сотни казаков, окруженных в непроходимых болотах красными войсками. По призыву священника отца Илии в единодушии казаки обратились с молитвенным воззванием к Царю-мученику, Государю Российскому – и невероятным образом вышли из окружения.

В Сербии в 1925 году был описан случай, когда одной пожилой женщине, у которой двое сыновей погибли на войне, а третий пропал без вести, было видение во сне Императора Николая,

который сообщил, что третий сын жив и находится в России – через несколько месяцев сын вернулся домой.

В октябре 1991 года две женщины поехали за клюквой и заблудились в непроходимом болоте. Надвинулась ночь, и болотная трясина могла бы легко затянуть неосторожных путешественниц. Но одна из них вспомнила описание чудесного избавления отряда казаков – и по их примеру стала усердно молить о помощи Царственных мучеников: «Убиенные Царственные мученики, спасите нас, рабу Божию Евгению и Любовь!» Внезапно в темноте женщины увидели светящийся сук от дерева; ухватившись за него, выбрались на сухое место, а затем вышли на широкую просеку, по которой дошли до деревни. Примечательно, что вторая женщина, также свидетельствовавшая об этом чуде, была в то время еще далеким от Церкви человеком.

Учащаяся средней школы из города Подольска Марина – православная христианка, особо почитающая Царскую Семью – чудесным заступничеством Царских детей была избавлена от хулиганского нападения. Нападавшие трое молодых людей хотели затащить ее в машину, увезти и обесчестить, но внезапно в ужасе бежали. Позднее они признались, что увидели Императорских детей, которые заступились за девушку. Это произошло накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы в 1997 году. Впоследствии стало известно, что молодые люди покаяться и в корне изменили свою жизнь.

Датчанин Ян-Майкл в течение шестнадцати лет был алкоголиком и наркоманом, причем пристрастился к этим порокам с ранней молодости. По совету добрых знакомых в 1995 году он отправился в паломническую поездку по историческим местам России; попал он и в Царское Село. На Божественной литургии в домовый церкви, где некогда молились Царственные Мученики, он обратился к ним с горячей мольбой о помощи – и почувствовал, что Господь избавляет его от греховной страсти. 17 июля 1999 года он принял православную веру с именем Николай в честь святого Царя-мученика.

Московский врач Олег Бельченко 15 мая 1998 года получил в подарок икону Царя-мученика, перед которой практически ежедневно молился, и в сентябре стал замечать на иконе небольшие пятна кровавого цвета. Олег принес икону в Сретенский монастырь; во время молебна все молящиеся почувствовали от иконы сильное благоухание. Икона была перенесена в алтарь, где находилась в течение трех недель, причем благоухание не прекращалось. Позднее икона побывала в нескольких московских храмах и монастырях; было многократно засвидетельствовано мироточение от этого образа, свидетелями которого были сотни прихожан. В 1999 году чудесным образом у мироточивой иконы Царя-мученика Николая II исцелился от слепоты 87-летний Александр Михайлович: сложная глазная операция почти не помогла, но когда он с горячей молитвой приложился к мироточивой иконе, а служивший молебен священник покрыл его лицо полотенцем со следами мира, наступило исцеление – зрение вернулось. Мироточивая икона побывала в ряде епархий – Ивановской, Владимирской, Костромской, Одесской... Везде, где побывала икона, были засвидетельствованы многочисленные случаи ее мироточения, а двое прихожан одесских храмов сообщили о исцелении от болезни ног после молитвы перед иконой. Из Тульчинско-Брацлавской епархии сообщили о случаях благодатной помощи по молитвам пред этой чудотворной иконой: от тяжелого гепатита была исцелена раба Божия Нина, получила исцеление сломанной ключицы прихожанка Ольга, от тяжелого поражения поджелудочной железы исцелилась раба Божия Людмила.

Во время Юбилейного Архиерейского Собора прихожанки строящегося в Москве храма в честь преподобного Андрея Рублева собрались для совместной молитвы Царственным мученикам: один из приделов будущего храма планируется освятить в честь новомучеников. При чтении акафиста молящиеся почувствовали сильное благоухание, исходившее от книг. Это благоухание продолжалось в течение нескольких дней.

К Царственным страстотерпцам многие христиане обращаются ныне с молитвой о укреплении семьи и воспитании детей в вере и

благочестии, о сохранении их чистоты и целомудрия – ведь во время гонений Императорская семья была особенно сплоченной, пронесла несокрушимую веру православную чрез все скорби и страдания.

Память святым страстотерпцам Императору Николаю, Императрице Александре, их чадам – Алексею, Ольге, Татиане, Марии и Анастасии совершается в день их убиения 4 (17) июля, и в день соборной памяти новомучеников и исповедников Российских 25 января (7 февраля), если этот день совпадает с воскресным днем, а если не совпадает, то в ближайшее воскресенье после 25 января (7 февраля).

Московские епархиальные ведомости. 2000. №10-11. С. 20-33.

17 июля 2009 г.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/>

Святой мученик Иакинф Римский

День памяти: 3 июля

Святой мученик Иакинф, родом из Кесарии Каппадокийской, вырос

в христианской семье. Римский император Траян (98-117) поставил его своим кубикularioм (постельничьим).

Однажды во время языческого празднества император Траян пировал в капище со своими приближенными, насыщаясь идоложертвенной пищей, а юноша Иакинф, оставшись во дворце, заперся в небольшой комнате и усердно молился Господу Иисусу Христу. Слова молитвы услышал один из слуг. Он донес императору, что Иакинф, нарушая царский приказ, не чтит римских божеств, но тайно молится Христу.

Иакинфа немедленно схватили и привели к Траяну. Император предложил ему вкусить идоложертвенного мяса, но святой мужественно отказался и объявил себя христианином. По приказу Траяна, святого мученика после жестоких истязаний заключили в темницу, томили голодом и жаждой, чтобы заставить съесть идольскую пищу. На 38-й день один из стражей, принесший идоложертвенное мясо, увидел рядом с мучеником Ангелов, облакавших его в светлую одежду и возлагавших на голову его венец.

Мучители решили продолжить суд над святым, но нашли его в темнице умершим. Двадцатилетний Иакинф скончался в 108 году в городе Риме. Мощи святого впоследствии перенесли в Кесарию.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/>

**Святитель
(Ювеналий) ,**

**Иувеналий
Патриарх**

Иерусалимский

День памяти: 2 июля

Святитель Иувеналий (Ювеналий), Патриарх Иерусалимский, занимал престол Святого Града с 420 по 458 год. В это время мир озаряли великие светильники Церкви: преподобные Евфимий Великий († 473), Симеон Столпник († 459), Герасим Иорданский († 475) и многие другие.

Святой Ювеналий был другом и собеседником преподобного Евфимия Великого. Во время первосвятительства святого Патриарха Ювеналия Восточная Церковь была волнуема опасными лжеучениями, против которых он восставал с пастырской ревностью, сберегая Христово стадо. В 431 году в городе Ефесе был созван III Вселенский Собор, осудивший ересь Нестория, восставшего против православного исповедания Божественной природы Иисуса Христа. На Соборе председательствовал святитель Кирилл, Патриарх Александрийский († 444; память 9 июня), и в числе его единомышленников был святой Патриарх Ювеналий. В 451 году в городе Халкидоне собрался IV Вселенский Собор для обличения новой ереси – евтихианской (монофизитской), учившей, что человеческая природа во Христе была полностью поглощена Божественной. Святые отцы, среди которых был святитель Ювеналий, осудив ересь Евтихия, утвердили православное исповедание о соединении в Господе Иисусе Христе обоих естеств

– Божеского и человеческого – нераздельно и неслиянно. Однако еретики продолжали смущать умы христиан. Во главе лжеучителей стоял Феодосий, который, склонив на свою сторону проживавшую в Иерусалиме вдову императора Феодосия Младшего († 450) Евдокию, требовал, чтобы Патриарх Ювеналий высказал порицание постановлению Халкидонского Собора, то есть отказался от православного догмата о двух естествах во Христе. Святейший Ювеналий не согласился на предательство Истины, но мужественно исповедал Халкидонский догмат перед еретиками. Феодосий и его сторонники низложили святого Ювеналия с патриаршего престола. Святитель удалился в оплот Православия – Константинополь, к святому Патриарху Анатолию (449-458; память 3 июля) и императору Маркиану. Еретик Феодосий, при поддержке императрицы Евдокии, занял патриарший престол в Палестине, но лишь на 20 месяцев. Император Маркиан, уважавший святого Ювеналия, добился восстановления его в патриаршем достоинстве, и Патриарх-исповедник возвратился в Иерусалим.

Много трудов приложил святой для восстановления церковного мира. По вразумлению преподобного Симеона Столпника, императрица Евдокия покаялась пред святителем и вернулась в церковное общение с православными. Вслед за ней возвратилась и большая часть совращенной еретиками иерусалимской паствы. Устранив мятежные ереси и установив церковное единomyслие и благолепие. Патриарх Ювеналий мирно скончался среди верной паствы, потрудившись в святительском сане 38 лет.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/>